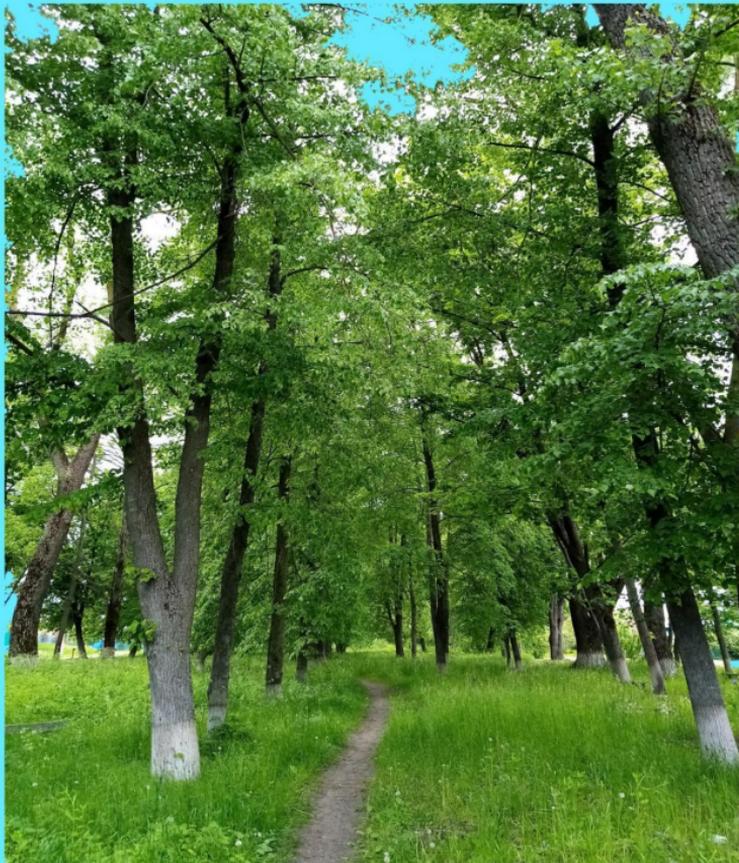

ПЕТР СОСНОВСКИЙ

В ТЕНИ АЛЛЕЙ

18+

Петр Сосновский

В тени алле́й

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70307911
SelfPub; 2024*

Аннотация

Желание написать об отце — солдате Великой отечественной войны, закончившем ее в Праге, участнике борьбы с бандформированиями на Украине в городе Львове, у меня зрело давно. Однако все как-то не получалось. Не было в голове нужных мыслей, чтобы зацепиться и сесть за компьютер. Они бы и не появились, если бы однажды мать, незадолго перед своей кончиной, не поведала мне об одном довольно неприятном факте из его жизни. Отец, находясь на смертном одре, пожаловался ей о своем грехе и просил у Бога прощения за то, что он не смог спасти своего боевого товарища от гибели. Тот был подло расстрелян бандеровцами в тени алле́й старинного львовского парка. Рассказ матери подтолкнул меня к серьезным размышлениям и заставил вспомнить о детстве, юности, о своей взрослой жизни. Я не стал долго тянуть, лишь только в голове начал складываться сюжет, тут же приступил к работе. На обложке фото, сделанное автором книги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	56
Глава 4	78
Глава 5	105

Петр Сосновский

В тени аллей

Предисловие

Мое повествование из-за недостатка информации не может быть на сто процентов документальным. В нем много художественных вымыслов. Однако, не это главное, я попытался, как мог, рассказать о москалях потомках — старообрядцев, когда-то участвовавших в ополчении Петра первого в Полтавской битве, хохлах — добрых малых, и о «мазехах», которых не любили не только москали, но и сами хохлы. Хорошо у меня получилось, плохо, судить вам, моим читателям.

Глава 1

В Щурове через всю центральную улицу, называемую Большой, раскинулся с чередой красивых прудов, старинный парк. В настоящее время он находится в крайнем запустении, никому до него нет дела: ни сельской администрации, ни самим жителям, ни даже школьникам. А ведь раньше ученики по многу часов работали над его благоустройством. Тем не менее, парк все еще неплох собой. Я, бывая в летнее время на малой родине, люблю пройтись в тени его аллей и посмотреть на неподдающиеся описанию пейзажи. Однако у меня отчего-то на лице всегда ощущается некоторый холодок, наверное, это оттого, что кроны деревьев затемяют солнце, каким бы оно не было ярким.

Я знаю, не каждое село может похвастаться своим парком. А вот Щурово может. Правда, оно ведь раньше селом никогда и не было, слободой, посадом, — да, даже городом. У него был свой герб. Представьте себе десять, а то и более улиц, сотни дворов и в каждом из них не то, что сейчас — ребятни о-го-го сколько? Да у моего одного деда Ивана Павловича насчитывалось в доме аж двенадцать девок и парней. У отца тоже детей хватало. . . . — Ну да ладно. Не о том речь. В Щурове народа было много. Ну, что тех огурцов на грядках. А их в посадке всегда выращивать умели, вам любой в округе о том не преминет, скажет. Не поверите, но есть в нем сре-

ди огородников такие, которые для хорошего урожая и вкуса не только воду используют, — но и поливают гряды молоком. Наверное, оттого огурцы, несмотря на естественную скудность земли, плохую погоду даже у самой нерадивой хозяйки вырастают в обилии и сладкие пре сладкие. Пальчики оближешь.

О благополучии и процветании этого поселения можно судить хотя бы потому, сколько в нем проживало евреев. Этот показатель верен. Здесь не может быть никакого обмана. Мать мне говорила, что их в Щурове было более тысячи человек. Они даже имели свой молельный дом — синагогу. Она стояла на Большой улице, напротив парка в центре посада в одном ряду с сапожными мастерскими, на том самом месте, где сейчас стоит дом моего бывшего учителя по пению.

Жиды, их у нас тогда все отчего-то только так и называли, очень усердно молились непонятному нам старообрядцам Богу. Они вымаливали у него царствие небесное. И не зря. Во время войны, те евреи, которые не успели убежать из Щурово, попали под пули фашистов, их расстреляли в одном из Цегельников. Я видел в детстве на их братской могиле большую черную гранитную плиту со странной звездой.

Что я еще хочу сказать: долгое время у меня о парке не было никакого представления, так как жил с семьей на отшибе Щурово — на Сибировке. Лишь после того, когда мне исполнилось семь лет и я был отправлен в школу он стал ча-

стью моей повседневной жизни.

Мне памятен мой первый учебный день. Отправить ребенка в послевоенное время в школу было ох, как тяжело. Многого тогда в стране не хватало и не только затертых грязных бумажек — денег. Дефицит был во всем. Вещи мы тогда не выбрасывали, что можно чинили или же, затащив на чердак, оставляли их на потом: могли в будущем пригодиться.

До последнего дня родители не могли обеспечить меня обычным портфелем. Я уже нервничал, не находил себе места, ждал чуда, и оно свершилось: в тот момент, когда мне рано утром нужно было выходить из дома, отец его откуда-то притащил. Он был пастухом и добыл у своего хорошего знакомого, когда собирал по улицам коров. Добравшись до Сибировки, и прежде, чем выгнать стадо на пастбище в Щуров Лог, отец забежал домой:

– На, держи сынок, для пятерок, что надо! Лучшего не найти! — и тут же вручил прямо на пороге.

Портфель был светло-коричневого цвета, имел два замка, слегка поношен, но хорош собой, так как для его изготовления пошел добротный материал. Отец знал толк в кожах, порой сам их выделывал. Кто-то из взрослых, когда я взял портфель в руку и довольный неторопливо вышел за калитку, то ли старый подпасок отца Красанович, то ли проходивший мимо на работу в больницу конюх Сергей Буравец, случайно оказавшийся рядом, не удержался, похлопав меня по плечу, тут же выдал:

— Этот мальчик далеко пойдет. Я думаю, станет большим начальником, — на миг задумался и тут же продолжил: — председателем будет, непременно председателем! Правильно, я говорю Сеня? — я утвердительно покивал головой. А что мне было делать: взрослый человек говорит.

Однако, он не угадал, — ошибся. Я председателем не стал, я стал писателем, хотя после института окончил аспирантуру, защитил кандидатскую и долгое время проработал в науке. Отец мне говорил, что в детстве читал, взятую из библиотеки книгу, какого-то нашего родственника. Наверное, я пошел по его стопам. Начал со стихов и уж, затем переключился на прозу.

Так вот в то далекое время нам детям филонить нельзя было, да и трудно. Мы у взрослых были на глазах. Никакой там вам «удаленки» — дистанционного обучения как сейчас. Оценки нам проставляли в тетради, в дневники, а еще в табель, выдававшийся по окончанию учебного года. Их нужно было заслужить, а потом принести домой и отчитаться.

Я, однажды, отправившись в первый класс начальной школы, так называемой «маленькой», был вынужден четыре года изо дня в день кроме выходных — воскресений, каникул и дней по болезни, выходить рано утром из дома.

Мой путь был не короток, он пролегал вначале по своей улице — Сибировке, до угла, затем я сворачивал на Стрижевку и шел по ней до следующего угла, поворачивал налево на Большую улицу, далее до школы было рукой подать.

Идти в школу мне приходилось с оглядкой: тогда во дворах было много собак, в любой момент из-подворотни могла выскочить злая дворняга и тяпнуть за ногу или же, как не странно забияка петух. Однажды, мы ребята знали такого. Он часто сопровождал нас по улице, пытаюсь зайти сзади и клюнуть.

Маленькая школа находилась на другой стороне Большой улицы. Для этого мне необходимо было добраться до аптеки, затем поравнявшись с одним из прудов, перейти через парк.

Учебное заведение работало в обычном просторном доме. Отличалось здание лишь тем, что имело в классах для отопления зимой несколько печей непохожих на русские, интересной формы. Они были цилиндрические, оббитые листовым железом, выкрашенным в черный цвет. Топили эти печи, глядя на ночь, задолго до прихода в здание учеников.

Окна школы смотрели на парк. Я, отправляясь, после уроков домой, любил в нем задерживаться. Да и не только я один.

Мне запомнился день, когда мы ребята из всех классов вместе с учителями работали в парке на субботнике: сгребали листья, собирали упавшие ветви, а затем под веселые крики все это жгли на костре.

У нас, со слов взрослых, у каждого мальчишки имелось в особом месте шило. Не в силах спокойно стоять мы носились друг за другом среди больших, что те баобабы верб, высоких столетних лип, берез и кленов, играя в салки, или

же в жмурки, довольно ловко, прячась в кустах низкорослой стриженной, как и мы, дети, желтой акации. Выйти незамеченным за пределы парка нам было нельзя, так как он тогда был огорожен высоким двухметровым забором из штакетника, — только лишь через калитку, а она находилась под наблюдением старшей учительницы.

У меня немного осталось в голове от той поры, особо запомнился один неприятный инцидент: тогда я заканчивал «маленькую школу» — ходил в четвертый класс. Однажды, это было глубокой осенью, едва на пруду встал лед, мы мальчишки на большой перемене принялись «гнуть люлю». Была у нас такая забава. Для этого нужно, обхватив друг друга руками за плечи, медленно наступая на тонкий лед и раскачивая его следовать с одного берега на противоположный, постепенно ускоряя движение. И все ничего: наши проказы сходили нам с рук, но в один из дней лед не выдержал. Провалился ученик. Ох и здорово нам тогда всем попало от учительницы, хотя этого незадачливого мальчика, из образовавшегося под ногами пролома, мы сами же и вытащили. Но после этого случая, ходить ученикам на озеро, было строжайше запрещено. Правда, после уроков мы были свободны в своих желаниях и могли делать что угодно. Однако «гнуть люлю» нам отчего-то уже не хотелось, наверное, пропал кайф.

Окончив «Маленькую школу», я прямиком отправился в «Большую». Она на тот момент из бывшего большого купеческого дома, находящегося в центре посада была пере-

ведена в здание казармы. Небольшое войско, которое стояло вплоть до пятидесятих годов двадцатого века в Щурово, из-за потери селением статуса административного центра расформировали, а здание отдали в распоряжение учеников. В нем не пришлось ничего менять, лишь слегка подновили: для чего побелили потолки, стены, а еще покрасили обтершиеся полы, окна и двери. Затем в опустевшие спальные помещения для солдат затащили парты, на дверях вывесили таблички с названиями классов. Этот переезд школы с одного здания в другое был связан с организацией в Щурово среднего образования. Данное мероприятие требовало большего количества классов. Размеры казармы позволяли эту проблему как-то решить. Правда, частично. Закрывать маленькую школу на тот момент так и не удалось. Она еще много лет была необходима и использовалась до последнего, пока для учеников не было построено новое большое двухэтажное здание.

Казарма эта стояла недалеко от Сибировки и поэтому у меня отпала необходимость ходить в центр села. Правда, теперь я был вдалеке от понравившегося мне парка и не мог, как раньше прогуливаться с ребятами в тени больших деревьев. Однако унывать не приходилось. Я нашел замену парку: стал больше времени отдавать своей улице, едва дождавшись окончания занятий и, прибежав со школы, устремлялся через дорогу, у нас под окнами был свой пруд, где мы дети купались, а еще заросший кустарником и деревьями Щу-

ров лог. На пригорке стоял небольшой садик из старых яблонь и груш, полуразвалившийся фундамент, оставшийся от некогда большого красивого дома, в прошлом одного из зажиточных купцов посада Щурово. Одним словом — раздолье. Туда не только одни мы бегали — ребята с Сибировки, но и с других прилежащих улиц.

Добираться до Большой школы, — называли ее так неслучайно, — соответствовала своими размерами: метров сто в длину, — хотя она находилась намного ближе «маленькой», — было нелегко, особенно весной в распутицу. Здание стояло, можно сказать, на огороде. Я, да и другие ребята с нашего края улицы шли прямо, не сворачивая на Стрижеевку, миновав с десятков домов, брали резко направо и через тропинку наискосок пересекали поле. На нем всегда что-то сеялось и оттого оно из года в год запахивалось. А значит, нам нужно было все время торить через него тропинку — стежку. После, когда сделали перекресток и образовали новую улицу — Школьную, вытаптываемая годами стежка все равно не зарастала: мы ее еще долго использовали, срезая путь. Повзрослев, я, например, забыв учебник или же тетрадь, мог на большой школьной перемене сорваться и сбегать домой. Мне хватало времени обернуться туда и назад до звонка.

Что еще? Для того чтобы приблизить большую школу к улице Сибировке, в центре посада разобрали деревянную старообрядческую церковь семнадцатого века и из ее материала, видоизменив архитектуру, — выбросив колокольню,

— поставили рядом с бывшей казармой большое странное здание. Оно не стало угловым, однако повлияло на общий вид улицы, а также решило проблему досуга школьников. В нем в зимние морозные дни, мы — ребята занимались физкультурой. Во время красных дат мне в нем приходилось часто петь вместе с одноклассниками под черный блестящий тульский баян нашего учителя пения на всевозможных концертах. Наши патриотические мелодии, да и сами голоса, очень разительно отличались от оточенных голосов старове- ров-прихожан, вынужденных однажды покинуть стены известной на всю округу старинной церкви и перебраться в дом бабы Паши, жившей у нас по соседству на Сибировке. Я не раз заходил их послушать.

Дополнительно — напротив большой школы выстроили жильё для учителей, затем проложили от Сибировки к Большой улице через яблоне- вый сад дорогу и вдоль нее поставили еще дома, правда, не сразу, один для директора совхо- за, такой же для главного бухгалтера и других нужных лю- дей. Не забыли и про народ — несколько двухэтажных зда- ний воздвигли и для него. Сейчас они пустуют, некому в них жить: люди уехали в Москву.

Для выхода, этой вновь организованной улицы, названной Школьной, в центр посада к книжному и большому магази- нам нужно было убрать два дома. Однако в одном из них жила семья известного человека его оставили, а вот мешав- ший каменный двухэтажный дом, первый этаж которого ис-

пользовался под магазин: внизу торговали рыболовным снаряжением, а верхний, возможно, под склады, — развалили. Хотели заодно развалить и «Чайную», где мужики любили выпить чего покрепче, так как было еще одно подобное заведение «Голубой Дунай», но отчего-то на время, до строительства нового Дворца Культуры, оставили. Что обидно: любителям посидеть у пруда или же у речки с удочкой после этих преобразований пришлось туго. Для приобретения лесок, поплавок, крючков и грузил им необходимо было обращаться к корявочникам. Были такие люди, они ездили на бричках с коробом и собирали изношенные до дыр шерстяные и хлопчатобумажные изделия — тряпки, кости домашних животных, шкуры и цветные металлы в обмен на деньги и дефицитные товары, при этом изрядно дурили народ. Одним из них был и мой дядька Марк. Его жена — тетка Мотя часто щеголяла в красивых платьях, перед тем как они были дядькой Марком проданы. Я его обходил стороной. Мне намного выгоднее было ходить за снастями к чужому корявочнику на Новую улицу и стучаться в пятый дом от угла.

Я, в Большой школе учился с пятого по десятый класс, мои братья: Александр и Федор тоже, а вот наша сестра Анна десятилетку заканчивала уже в новой — двухэтажной. Ее поставили на месте старинного кладбища на то время народом неиспользуемого — заброшенного.

У меня не было особой необходимости бывать в центре села: все нужное для обучения мне покупали родители, од-

нако так было не всегда. Наступил момент, и я сам стал заботиться о себе. Для этого мне давали небольшие деньги. Их было достаточно для того, чтобы приобрести несколько тетрадей, перышки, ручку, чернила, карандаши... А еще у матери часто болела голова, — я так думаю, — от нас четверых детей, не зря же она порой говорила: «Ну вот, опять вы мне задурили голову» — и отправляла старшего, то есть меня в аптеку за пиримидином. Я знал, где находится аптека и перся на Большую улицу, купив нужные таблетки, а себе гематогена или же витамина, — между-прочем на свои деньги, добытые от сдачи пустых бутылок в магазины или же всяких там ненужных вещей корявочникам, — отправлялся дальше, миновав с десятков домов, шел вдоль мастерских. В них работала артель по пошиву обуви имени Чкалова, а в ней мой дядька Максим. Одно время: до войны, учеником у него трудился и мой отец. Мне было любопытно заглядывать в маленькие окошки и слышать шум швейных машин. Я будто бы заглядывал в прошлое.

Добравшись до центра — места, где Школьная улица сливалась с дорогой, разделявшей парк, я мог, повернуть налево в сторону Большой школы и затем — домой. Однако торопиться мне было не к чему: нечасто бывал в центре, поэтому я отрывался по полной: заходил в книжный магазин, — мы его отчего-то называли «кагизом», — и в большой продуктовой. У нас в Щурове в обиходе часто использовались слова: «большой» и «новый», Меня тянуло, например, забрать-

ся на Новую улицу, побывать в новом магазине, его поставили на месте снесенной деревянной церкви, он был интересен и привлекал своим товаром. Я мог в нем купить брикет прессованного фруктового чая или же сухой концентрат напитка какао и по дороге все это съесть. А еще я торопился заглянуть в афишу. Она сообщала о концентах, небольших театральные постановках, танцах и, конечно же, о фильмах.

Я любил кино. Правда, детских лент тогда было мало. Крутили их раз-два в месяц и оттого мои походы в Дом культуры случались нечасто. Что мне запомнилось с тех времен? Постановка кукольного театра: «Три поросенка», концерт Брянской филармонии, выступление жонглеров из областного цирка, а еще силача, удивившего весь зал. Он, во время своего выступления, обратившись к зрителям и вытащив на сцену старого Ефима Гарлея уложив его на ковре, принялся над ним подбрасывать и ловить двухпудовые гири. Того тут же, как ветром сдуло. Народ, — в основном ребятня, — от увиденного зрелища долго не мог успокоиться и пребывал в восторге. Не зря же многие после этого стали заниматься поднятием тяжестей, например, мой брат Александр.

Дом культуры находился в бывшем здании ратуши. Одно время в нем размещалась пожарная часть и возвышалась каланча: раньше в Щурово очень часто случались пожары: горели дома, всевозможные хозяйственные постройки, люди, скот. Хотя прошло много лет я с содроганием вспоминаю

разговоры старших о сгоревших детях.

Однажды, наши родители ушли на ярмарку, а нас оставили под замком, мы в ожидании их занимались, чем попало. Я, например, рассматривал проезжавшие мимо подводы и неожиданно заметил густой дым на дальней улице Деменке в крайнем доме, просматриваемом из нашего окна. Я метался не в силах что-либо сделать. Тогда в домах не было телефонов и в огне погибли: мальчик и девочка.

Здание ратуши не сразу стало Домом культуры, в годы войны в нем располагалась немецкая комендатура. Для устрашения жителей на огромных, что те баобабы вербах, росших по обе стороны у входа, — их после спилили, — висели прибитые гвоздями партизаны. Их тени и сейчас нет-нет и проглядываются в темноте на каменных стенах. А порой они, что те приведения ходят по старинному парку, пугая нехороших людей. Тем не менее, несмотря на все эти страшилки, я любил ходить в бывшее здание ратуши, служившее каланчой, но не немецкой комендатурой. Мне нравилось, забираясь в кинозал, восторженно лупить глаза на белое полотно. Я ждал чуда. Даже когда неожиданно гас свет, я чувствовал себя значительно лучше, чем где-либо. Наверное, это оттого, что боятся пожара, в таком здании было нечего, а еще я был начеку и в любой момент мог выскочить на улицу. Для этого было два выхода: центральный и пожарный или как мы называли — черный. Он вел прямо в парк. Я с удовольствием пользовался вторым выходом. Правда, вес-

ной он часто находился на замке. Вдоль глухой стены здания по парку текла вода, перебраться через нее, было попросту нереально, даже в резиновых сапогах. Народ, а в зал его порой набивалось с лихвой, в зависимости от фильма, шумел и давился у двери. Я, сойдя со ступенек, а точнее скатившись, проходил вдоль забора из штакетника, двух магазинов: канцелярского и кукольного, — их уже нет, — после чего, одолев с правой стороны небольшой мостик через который эта самая вода с одного пруда с рокотом перетекала в другой, перебежав через дорогу «нырял» на Школьную улицу. Догнав своих ребят, я присоединялся к ним и шел домой. По дороге мы любили поболтать о том, какие наши красноармейцы молодцы и как они здорово наподдали фашистам. В то время фильмы были о только что успешно законченной войне. Она зацепила многих наших людей, не у всех отцы и деды вернулись с фронта, оттого в разговорах была на первом месте. Мы — ребята, за своих солдат — стояли горой и готовы были порвать любого.

Наш парк славится прудами. Раньше ими занимались: чистили, в парке обрезали деревья, ремонтировали и красили ограду. Что мне известно о парке. Под него были использованы неудобные для земледелия площади, а еще он образовался благодаря небезызвестному лесному Сучьему болоту. Оно — это самое болото, раньше пугало посадских людей. И не зря. Туда порой не от одного хозяина убегали собаки — суки и спаривались с волками. Домой они уже не возвращались.

Та смесь или тот помет, который после получался, был очень умным, в тяжелые голодные времена он не раз спасал «серое племя» от вымирания. Люди на ночь старательно запирали на засов свои дома, сараи, калитки, в остальном надеялись на высокие заборы. Любая с их стороны оплошность могла обернуться гибелью скотины. Страдала не только живность, но и одинокие, возвращавшиеся с заработков ремесленные люди. Не одного человека они загрызли на пустынной дороге. Однажды, — было это ночью, зимой, — к нам в окно кто-то громко постучал. Отец открыл двери, и мы ужаснулись. На пороге стоял полураздетый обмороженный человек. Он сжег почти всю свою одежду, начав с портянок. За ним неотступно следовал волк. О, как тот мужчина благодарил тогда моего отца: — «Задрал бы, нечего, и говорить, я не в один дом пытался достучаться и все напрасно, лишь вы одни меня пожалели и впустили, а значит, спасли от не минуемой гибели!».

Зимы раньше были не те, что сейчас — очень лютыми и снежными. Во двор не выйти. Наверное, поэтому нам — детям, в дом родители заносили поганое ведро и ставили у двери. Скок с печи, сделал дело и наверх на горячие камни. Жарко: на каменке кружка с водой, попил и засопел в две дырочки. А утром — порой нужно было откапываться, снега наметало о-го-го сколько. Это не то, что сейчас: нужно ждать да ждать, хоть бы до января выпал.

То, что творилось весной и представить трудно? От тая-

ния снегов Сучье болото переполнялось водой, и она широкой рекой устремлялась по Большой улице. Человеку, подойдя к окну, невозможно было заглянуть в окно дома напротив. Уж очень была улица широка.

Из-за боязни подтопления усадеб, знающие люди догадались и предложили вырыть на пути движения вешних вод — пруды. Это позволило снизить риск хозяйственных потерь.

Часть вод из Сучьего болота, обогнув Большую улицу, устремлялась на Сибировку, захватывая отдельные огороды, затем, пройдя по ложбине между домов, уходила через Щуров лог в Старечку. Из года в год наши участки земли затоплялись. Мы до конца мая, а то и до первых чисел июня не могли отсеяться, ожидая схода весенних вод. Не зря же однажды отец для того, чтобы поправить положение своими руками, лопатой выкопал небольшое озерцо. Соседи, у которых по весне стояла вода — тоже последовали его примеру. Ох и было для нас ребят раздолье: мы часто в этих копанках ловили корзинами вьюнов, карасей и других мелких рыб. Правда, всевозможные искусственные «резервуары» для талых вод не всегда решали проблему. Нам жителям Щурово часто приходилось пользоваться резиновыми сапогами. Это уже после, когда в селе были понастроены водонапорные башни да к тому же и зимы отчего-то неожиданно стали малоснежными — необходимость в водоемах отпала.

В конце мая занятия в школах заканчивались, и к нашей большой ораве детей прибавлялась орава, приезжавшая

на летние каникулы из различных городов, в большинстве своем из столицы. Негласно посад Щурово можно считать побратимом Москвы. Из нее некогда родимой давным-давно убежали раскольники, наши прапрадеды, спасая жизни и свою веру. Вначале они заплонили Вильно, а уж затем часть из них, найдя пригодное для проживания местечко, перебралась на земли между Куршеновичами и Хвойниками. Не один десяток лет, образовавшееся поселение существовало нелегально и лишь после регистрации гетманом в 1703 году под официальное заселение, оно стало быстро разрастаться, достигнув размеров небольшого городка.

Однажды «копаясь» в Интернете, я нашел своего однофамильца, учившегося в городе Вильно в духовной семинарии и с отличием ее закончившим. Возможно, это был и не однофамилец, а один из моих дальних родственников. Мог же он попросту не поехать за братьями, — остаться в Литве?

Я был дружелюбен и водился со многими из ребят, приехавших на каникулы из городов. Мне, как старшему приходилось заботиться не только о своих братьях: Александре, Федоре и сестре Анне, но и о Любе — дочери тетки Иры, родной сестры отца. Она вместе с мужем привозила ее из лета в лето на отдых. Правда, я ее часто спихивал на сестру. Они были почти одного возраста. На нашем краю Сибировки мне попадался на глаза мальчик. Звали его Вадимом. Он отдыхал у бабы Мани. Одно лето у бабы Петихи провела внучка Таня. Она засматривалась на меня. Я мог бы перечислять

и еще других детей — гостей Щурово, но в этом нет необходимости. Понятное дело сидеть в городе жаркими днями просто невыносимо. Не зря даже у царя было свое Царское село, куда он выезжал на лето со всей семьей.

Из всех времен года мне больше нравилось лето, наверное, оттого что я родился в июле. А еще лишь только летом мы ребята и могли в полной мере насладиться чувством свободы. Например, от занятий в школе и от жесткой опеки учителей, от глаз взрослых на улицах, а в доме от родителей, так как большую часть времени проводили на природе, и наконец, от неудобной одежды и обуви. Осень, зиму, весну она сковывала наше тело, руки и ноги. Вырвавшись из стен учебного заведения, мы, мальчики бегали по улицам босыми, в одних трусах, иногда приодев майки, а девочки в накиннутых на голое тело хлопчатобумажных платьях, перекроенных и перешитых иголкой из старой материнской одежды, а не купленных в магазинах. Это было вызвано послевоенной нищетой. Не могли похвастаться нарядами и, приехавшие на отдых дети из городов, хотя они несколько и отличались от нас. Правда, недолго. Через неделю другую эти городские дети сбрасывали с себя обтягивающие тело одеяния, с ног стряхивали сандалии, и вот уже их загорелых и обветренных невозможно было отличить от нас. Их бабушки и дедушки говорили: «Нечего трепать обмундирование. Чай оно денег стоит».

Наш отец трудился по найму: — он пас людских коров —

это значит не совхозных. На летние каникулы из-за трудностей с подпасками, — найти желающих было не так легко, — родителю чтобы управиться с большим стадом приходилось привлекать на помощь нас — своих детей. Оттого, мы днями пропадали в лугах, а еще вместе с коровами отправлялись через лес на водопой на речку, где с удовольствием проводили время: купались и ловили рыбу.

Однажды, это было где-то в начале июня, я торопился отнести отцу обед, а заодно подменить брата Александра. Мне нужно было успеть, сделать это за время дойки коров, расположившихся в Щуровом Логе недалеко от Деменки. Находясь в ожидании, когда мать приготовит котомку, я нетерпеливо выглядывал в окно. У дома я заметил нарядную женщину: та вся такая расфуфыренная, в нерешительности ходила туда и обратно. Не удержавшись, я тут же сообщил о ней родительнице. Она, между делом, выглянув, вскрикнула:

— Ах ты, зараза, сто лет не было, надо же примчалась. Ну, я тебе сейчас покажу, будешь меня знать, — и, сунув мне узелок с обедом в руки, торопливо выскочила из дома на улицу.

В послевоенное время мужчин не хватало. Женщинам той поры жилось туго, несколько легче и интереснее — замужним. Они из-за боязни потерять своих супругов готовы были за них бороться, чуть ли не идти в бой. Наверное, оттого мне была понятна озабоченность родительницы: не так давно она успешно отбила атаку бывшей жены отца. Та приезжала в Щурово вместе с дочкой Тоней из тех мест Украины, где во-

инская часть отца, победоносно пройдя с боями до Праги, возвратившись на родину, остановилась во Львове для усмирения недобитых бандеровцев. Женщина пыталась вернуть в лоно семьи потерянного мужа, отобрать не чужого дядьку, — моего отца. Я не мог и не имел права быть безучастным.

У меня и сейчас стоят в ушах слова матери: «Сеня, не бойся, на-а-а, держи хворостину, подойди к девочке да отлупи ее как следует. А еще при этом прикрикни: забирай свою мамку и уезжай туда, откуда приехала! Уезжай! Это, мой папка, мой, а не твой. Не отдам».

Я тогда взял хворостину, и даже замахнулся ею на девочку, но ударить, отчего-то не посмел. Она, — я увидел, — испугалась моего недетского взгляда. Этого было достаточно. Я победил.

Прошли годы, я помню все, что тогда происходило, правда, уже смутно. Одно мне известно: девочка не раз приходила к нам, но однажды, схватив свою родительницу за руку, потащила ее за калитку, вон со двора: — «Пошли мам, пошли, не надо! Я довольна. Я увидела своего отца».

Они уехали, и мать облегченно вздохнула. Моя родительница никогда не сдавалась, она сумела отбить нападение и этой бывшей подруги отца — красивой женщины Зины.

Отец, узнав о своей Зазнобе от людей, вечером, когда пригнал стадо коров в село с пастбища, долго топтался в нерешительности вокруг и около, затем не удержался и, подойдя к матери, задал ей вопрос:

— Она приехала с мужем?

— Кто, она? — будто не понимая о ком, идет речь, спросила родительница. Ей очень хотелось все, что стряслось днем, утаить от отца.

— Зина, — услышал я.

— Ах, Зина. Одна! Откуда у нее возьмется муж? А вот детей — притащила целых три девки. Мал, мала меньше. Хочешь, беги за ней. Да-а-а, что еще, — мать сделала паузу, — поторопись, а то не застанешь.

— Ну, уж нет, я не дурак, — буркнул себе под нос отец и, со словами: — Ничего себе? Целых три... Целых три девки, — тут же от матери отстал.

Этой реакции отца для родительницы было достаточно и вскоре, наша семья через год стала больше: у меня и Александра неожиданно появился еще один брат, а затем и сестра.

От ребят я узнал, что тетя Зина лишь только, заслышав крик моей матери, чтобы не попасться ей на глаза тут же, схватив чемодан с вещами, рванула огородами на аэродром, благо он находился недалеко от нашей улицы, за больницей. Женщина исчезла, забыв даже о своих малолетних девочках: Гале, Люде и Свете. Они были ей оставлены на попечение матери — бабы Гаши, нашей соседки. Долгое время дети играли возле дома. Но, однажды, я остановился и заговорил с девочками, затем познакомил их со своим братом Александром. Мы ходили в кино, а еще бегали на речку. Галя таскала

с собой на детскую купальню мольберт, она рисовала пейзажи: тихо бегущую воду и склонившиеся ниц плакучие ивы. У нее неплохо получалось. Возможно, она в будущем стала художником. Я не знаю.

Девочки тогда все лето провели в Щурово. Галя и Света после не приезжали. Не знаю отчего. А вот одна из них — Люда — она мне даже чем-то нравилась, я на нее засматривался, — бывала у нас в селе не раз. Однако ее отчего-то на летние каникулы привозила уже не мать — красавица Зина, а бездетная тетя Ира и дядя, неизвестно откуда прицепившийся чванливый поляк. Девочка нравилась не только мне, но и моему брату Александру. Не зря же он после кино часто гулял с нею под ручку в нашем парке, в тени аллея.

Мы — ребята, девочек не сторонились: часто время проводили все вместе. Правда, бывали моменты, когда отгораживались от них из-за того, что играли исключительно в мальчишеские игры, для них не всегда приличные, а порой даже и опасные. Не хотелось нам перед ними краснеть от стыда или же в случае ушибов и травм: горячих слез тогда не оберешься — отвечать перед их родителями.

Однажды, играя в салки, мы придумали для себя новую игру. Для нее ребята делились на две равные команды. Затем команды как оглашенные бегали друг за другом. Нужно было завалить соперника на землю, забраться сверху и четко сосчитать до пяти. Проигравший мальчик выходил из игры. Победу одерживала та команда, в которой оставался хотя бы

один человек, избежавший поражения. Я часто бывал на высоте и выручал нашу команду.

Вначале игры все было хорошо. Но, это до тех пор, пока в ней не участвовали девочки. Я не помню, кто предложил померяться силами. Одно известно это была одна из девочек. У меня не было желания, но уговорили, и я согласился, надеялся, что мы выиграем, но не тут-то было. Завалив — соседку Надю и, прижав ее, я вдруг весь задрожал. Быстро подхватился и отошел, пытаюсь успокоиться. Но эта самая Надя, на которой я только что сидел, неожиданно толкнула меня сзади, затем, когда я упал, мгновенно забралась сверху, и, сосчитав, пронзительно закричала: — Я победила, я победила. — А я лежал на земле и даже не пытался ее сбросить. Мне было отчего-то приятно и в тоже время немного страшно. Через мгновенье Надя это почувствовала, быстро подхватила и со словами: «Дурак, дурак», дурак, — убежала домой. А я для себя понял, что просто так играть с девочками мне уже нельзя. Мои детские отношения, в любой момент, могли перерасти во взрослые.

Моя мать не запрещала мне, моим братьям и сестре играть и общаться с ребятами из разных семей, даже с внучками бабы Гаши, хотя она их всю породу долгое время и недолюбливала. Это было связано не только с бывшей невестой отца — красавицей Зиной. Моя мать ей ничем не уступала. Родительницу попросту нервировало отношение этой семьи к ней, так как она для них была «из села», то есть женщиной

другой веры, хотя после замужества и прошла соответствующий обряд крещения. Иначе бы в Щурово нашей семье не жить.

Что мне известно? Бабу Гашу моя родительница часто за глаза называла ведьмой не иначе и ждала от нее лишь только пакостей, ничего более. Оно и понятно тут ничего не поделаешь.

— Это все она зараза ворожит, отбирает у нашей коровы кормилицы молоко, — не раз говорила мать отцу. А еще, я слышал: — «Ты подумай, хорошенько подумай, отчего это вдруг ее Красуля ни с того ни сего прибавила, а моя Эмка, сегодня всего лишь одно ведро дала, а вчера аж полных три, а? — Отец лишь только бурчал невнятно в ответ: — Отчего-отчего? Оттого, что гуляла, да не погуляла. — Но, его слова, мать не слышала, не принимала.

Дружбы у моей матери не было и с другими некоторыми из соседей. Однако с тетей Катей — матерью девочки Нади, из-за которой я однажды неловко почувствовал себя во время игры, моя родительница часто стояла у колодца, как бы сейчас сказали: «точила лясы», возможно, это было связано с тем, что та не выпячивала свое «москальское нутро». Не знаю, к какой это стати моя родительница, вдруг покачав в раздумье головой, сказала мне: — Сеня — я все понимаю — это твое дело и ни чье другое. Ты даже можешь на Наде жениться. Однако твоя донецкая тетка Ира будет тобой очень недовольна.

Девочки быстро растут, да и взрослеют тоже. Мальчишки несколько от них отстают. Им не помогают ни раскуренная на глазах у детворы сигарета, ни стакан выпитой залпом на спор водки. Я ощутил себя высоким и взрослым только после службы в армии и это, наверное, понятно. Обучаясь в старших классах, я с одним из своих товарищей ходил на танцы, правда, ни он не умел танцевать, ни я, мы лишь только толклись возле танцплощадки да смотрели на своих девчонок кружащихся под музыку оркестра, а еще по окончании этого мероприятия провожали их домой. Ту же — Надю и ее подруг. Шли вслед за ними до дома толпой.

Мой товарищ сообщил мне, что Надя моя зазноба, я, конечно, возмутился, и он тогда спросил прямо: — Тебя от нее трясет? То есть знобит! Скажи всего лишь одно слово: да или нет!

— Ну, да! — ответил я.

— Значит — Зазноба. И не спорь со мной! Я, знаю! Мне старший брат о том говорил. У него есть девушка. Он демобилизовался, три года отслужил танкистом, собирается жениться и врать не будет. — Я тогда с другом согласился, правда, не открыто, в душе, и, наверное, по этой причине стал время от времени заглядываться на Надю. А как-то, забравшись на чердак, я долго наблюдал за девушкой сверху, как она тяпкой полола гряды, и любовался ее формами.

Однажды из-за этой Нади у меня возник даже конфликт: взрослый парень с Криуши, другими словами, кривой ули-

цы, отслуживший в армии, случайно или же для того, чтобы меня попросту запугать, увидев, что я пытаюсь приблизиться к девушке, неожиданно заорал:

— Куда лезешь, а ну отстань от Нади. Тут и своих ребят хватает. Я сегодня с ней пойду, — затем, он сделал паузу, и для остротки двинул меня кулаком в челюсть.

Я не удержался и упал на землю. Ребята, знавшие меня, тут же схватили парня за руки, дав мне время подняться. Мой товарищ, подпрыгнув у него перед носом петухом громко закричал:

— Да ты что делаешь, он же свой! С Сибировки! Что, нельзя было все решить по-хорошему?

— А-а-а? — Вон оно что! — ответил мой соперник: — Пусть так! Но тогда отчего я его не знаю? Он, что? Сопляк, наверное. Никак за собой портфель таскает.

Да, я таскал портфель и оттого не котировался. А еще, я не умел танцевать, делать девочкам комплементы, целоваться и многое другое, но провожать меня в армию отчего-то пришла эта самая Надя. Она пела какую-то прощальную солдатскую песню. Я пытался ее запомнить, вначале слова, затем мотив, однако впоследствии все напрочь позабыл. В памяти у меня остался лишь тот инцидент: похода на танцплощадку. Девушка тогда сказала парню, положившему на нее глаз: — Я, на танцы в Дом культуры пришла с подругами, вот с ними и уйду. — Я проследил, прячась за деревьями, шел за ними по парку. Наконец девушка, расставшись с подругами,

осталась одна, пройдя метров сто, она оказалась у своего дома. На скамейке ее ждал парень, тот, который двинул меня по челюсти кулаком. Не знаю, как он сумел так быстро оказаться у дома Нади. Едва девушка приблизилась, он встал, подошел к ней и, обхватив ее всю, страстно поцеловал. Та даже не оттолкнула его. Это меня вывело из себя. Я разозлился, сжав кулаки, неторопливо вышел из темноты и прошелся, демонстративно развернувшись у них на глазах, отправился восвояси — домой. Меня всего переполняли чувства. Я был зол на всех, а особенно на себя. А зря. Мир оттого ничуть не перевернулся.

Глава 2

В борьбе, с так называемой «религиозной заразой» в одном только посаде Щурово было разрушено три старообрядческих храма и, наверное, для того чтобы никому из жителей не было обидно, — в придачу завалили еще и еврейскую синагогу. Людям менее прихотливым к удобствам, готовым помянуть Бога, где угодно — беспоповцам, было проще: они как молились на дому, так и продолжили, правда, из-за гонений им время от времени приходилось менять адрес. Однако не это главное: попам было запрещено оформлять акты гражданского состояния, регистрировать в метрических книгах дни рождения, свадьбы и уход людей из жизни. Наверное, поэтому мне нетрудно представить себе, отчего пройтись с дамой сердца по парку в Щурове было шиком. Это говорило о серьезности намерений молодой пары. Парень и девушка выставляли себя людям напоказ по причине того, что путь им в церковь был заказан, — запрещала власть, а пойти в отделение ЗАГСа было еще как-то непривычно. Правда, только пройтись по парку, для влюбленной пары было мало, чтобы закрепить свое сожителство, после сговора родителей и назначения даты, устраивали шумную свадьбу. Гости, сев за столы и подняв за молодых, полные стаканы мутного самогона, становились свидетелями создания новой семьи, отвертеться молодоженам, — разойтись

по-тихому, было уже невозможно: для развода требовалось событие, например, драка с криками, плачем и разделом имущества.

Мой родственник дядька Марк после неудачной женитьбы — произошло это за пределами Щурово, в старообрядческом поселении — Борщевке, разругавшись со своей зазнобой (оказалось недостаточно того, что тебя при соприкосновениях с девушкой трясет, — знобит) был вынужден под улюлюканье толпы вернуться назад — домой. Объяснения, приготовленные для родных, друзей и знакомых у него были простыми: «Она — учитилка, а я кто? Всего лишь мужик!».

Второй союз Марка со смазливой Матреной — безграмотной дочкой безногого полного георгиевского кавалера, участника первой мировой войны бывшего унтер-офицера в тяжелый неурожайный год оказался более удачливым. Большая семья тестя тогда выжила только благодаря расторопному зятю. Уж очень он был шустрым, не зная грамоты, занимаясь продажей всякого «барахла» на базаре мог, кого угодно обвести вокруг пальца и остаться в прибыли. Отчего мне известны такие подробности: семья дядьки Марка жила в Щурово недалеко от родительского дома на краю нашей улицы Сибировки.

Марк и Матрена совместно прожили много-много лет, родили детей, брак оформили лишь только перед пенсией. Да и сейчас многие из мужчин и женщин живут подобным образом, — сожительствуют, в оправдание даже придумали тер-

мин: «гражданский брак».

Однако все это неправильно. Гражданский брак — тот, который зарегистрирован в ЗАГСе или же во Дворце бракосочетания. Брак церковный в настоящее время после внезапного примирения государства с «религией» тоже практикуется, может иметь место, зарегистрирован, но не иначе как после посещения и подачи заявления в одно из государственных учреждений Загса и подписей брачующихся, — молодой пары, а еще дополнительно двух свидетелей.

Раньше женились и выходили замуж очень рано. Мой дед Иван Павлович завел семью в шестнадцать лет, да и его повзрослевшие дети: Севастьян, Мария, Трофим... всех и не перечислишь — двенадцать человек, до тридцати-сорока лет не ждали. Это мне доподлинно известно. Необходимости тянуть, откладывать такое событие тогда у них не было причин. «Птенцы» — молодые люди рано выпадали из «гнезд» — и довольно быстро уходили на само обеспечение.

Я знаю, мой отец созрел и был готов жениться, не дожидаясь совершеннолетия. У подростка Володи была невеста или как тогда говорили — Зазноба. Ее звали Зина. Его от нее трясло. Молодые люди жили недалеко друг от дружки, правда, на разных улицах. Но это не было проблемой.

Зина, отправляясь на учебу в школу, в центр посада, а затем, возвращаясь, не могла пройти мимо окон большого дома, в котором жил Володя, незамеченной. Дом этот стоял на Стрижеевке, — пятый от угла. Сейчас он принадлежит чу-

жим людям и уже не пятый от угла, а всего лишь второй. Но, что главное? Им было по пути. А оттого я могу представить, что они могли видеться. Мне неизвестно были они одногодками, учились в одном классе или же разных — вариантов не исключаю. Я даже допускаю то, что молодые люди могли сидеть за одной партой. А еще, Володя и Зина наверняка встречались летом, когда занятий не было, и учеников отпускали на каникулы. Это могло происходить из-за того, что земельный надел прадеда Павла, — отчества я его не знаю, — затем моего деда, очень узкий, шириной метров двадцать, не больше, — дома тогда в посадке ставили плотно, — тянулся параллельно улице Сибировки до Щурова Лога и любая на нем работа, могла просматриваться из окон стоящих напротив домов. Что если Зина тайком наблюдала за Володей и при необходимости, будто случайно, прихорошившись, выходила за калитку. Такое могло происходить, правда, нечасто: их огород за домом тоже требовал приложения сил.

Из детства мне запомнилась корявая яблонька на конце огорода, принадлежавшего на тот момент моим родственникам дядьке Максиму и тетке Арише, как и сам дом. По осени она была вся облеплена мелкими, вяжущими рот, плодами. Хороши яблоки были лишь только после заморозков. Так вот, я любил забираться на эту яблоньку, подолгу сидеть на ней и распевать свои незатейливые песни. Однажды, когда я спустился вниз и увидел дядьку Марка, узнал: меня на нее потянуло не зря. Он рассказал, что в детстве сам не раз пря-

тался в ее ветвях от родителей, и не только: — «Я, как и ты, громко распевал на ней свои песни ...», — затем мой родственник тихо засмеялся, больше ничего не выдавив из себя. Отец лишь только я упомянул о разговоре со своим дядькой, уточнил: — «Сеня, ты не поверишь? Он летать хотел, ну как та птица. Вначале прыгнул с бани, а затем привязав веники к рукам уже и с яблони».

Забираясь на яблоньку, я видел дом бабы Гаши, невольно заглядывал в его темные окна. Отец мог также это делать, однако в отличие от меня что-то видеть, например, силуэт своей красавицы Зины. Он знал родителей девушки, брата и даже младшую сестру, впоследствии прозванную в Щурово — Ирккой Смаленной из-за того, что она, как-то раз разжигая печь, замешкалась и огонь, неожиданно вспыхнув, опалил ей знатную шевелюру.

Для встреч у моего отца — на тот момент подростка Володи с девушкой Зиной препятствий не было. Он очень рано почувствовал себя взрослым. Это не то, что сейчас: молодые люди, окончив колледжи и даже институты, до тридцати-сорока лет из-за неустроенности, мыкаются ну что те дети. У меня хватает примеров. Мы тут никак не оженим племянника, а еще крестного нашей внучки, брата зятя нашей дочери и это далеко не весь перечень молодых в кавычках, людей, ждущих своего семейного счастья или же горя. Это как у кого получится — неизвестно. Ничего такого подобного в то время не было, да и не могло быть.

Что я знаю: подросток Володя, в свои двенадцать-тринадцать лет не только учился в школе, на нем лежало много других обязанностей. Ждать помощи ему не приходилось: братья и сестры от первой жены его отца — моего деда давно отделились и жили своими семьями. В доме крутилась лишь сестра Ира — девушка на выданье. Она не была ему помехой, но и помощницей тоже, так как подчинялась матери — Вере Борисовне, а еще все свободное время, которое у нее имелось, отдавала тому, что выбирала себе суженного из солдат. Их в Щурово человек пятьсот стояло. Мой дед Иван Павлович в домашнее хозяйство никогда не вникал, так как часто бывал далеко от дома. Он зарабатывал деньги, занимаясь отхожим промыслом, — отменно клал печи, — люди говорили: хаживал даже в Москву. Иван Павлович с сыном был строг и даже за выполненную работу мог не только похвалить, но и, усмотрев пустяковые недостатки, наказать.

Заготовка дров на зиму для Володи являлась в дни летних каникул основным занятием, и он старался: ленив не был, часто схватив двухколесную тачку, отправлялся в Щуров лог. Путь его пролегал вдоль Стрижеевских огородов по улице Сибировке по колее, выбитой волами, таскавшими изо дня в день из Зелененского леса на местную пилораму огромные бревна. Я застал этот метод транспортировки леса и видел все своими глазами. Так вот подростку Володе необходимо было, добравшись до конца улицы, свернуть с колее влево и уже проторяя свою колею забраться в бурелом зарослей низ-

корослого молодняка. Часа два-три работы топориком и вот он, толкая нагруженную доверху тачку с дровами, торопился домой, останавливаясь, чтобы перевести дух он мог заговаривать с Зиной и даже назначать ей тайные встречи и ни где-нибудь, а в известном парке, — в тени аллей.

Мой родитель не зря когда-то приглянулся красавице Зине. Он был не только смекалистым и работающим парнем, но и красив — чист лицом, — у многих его друзей оно было обезображено оспинами. Был у Володи и один недостаток — низок ростом, ниже моего деда Ивана Павловича. Такого, конечно, быть не должно: дети обычно вырастают выше отцов. Возможно, это из-за того, что он родился в голодное время. Люди питались ягодами, грибами, травами всем, чем можно. Мне известно: родные старшие сестры отца за исключением Иры — Анна и Дуся не выжили. Они умерли от истощения. А еще, брат моей бабушки — Петр Борисович. Такое тогда было время. Для Зины, я так думаю, рост особого значения не имел. Они соответствовали друг дружке, были ровня. Не зря же Володя тянулся к девушке.

Мой отец рассказывал мне, что в то далекое время никакого обязательного среднего образования не было:

– Детям, достаточно было закончить хотя бы четыре класса и все. Учиться дальше или нет? — зависело от желания не только родителей, но порой и самих детей. Я хотел учиться, — говорил отец, — а вот мой брат Марк — нет. Для того чтобы ему выдать хоть какой-то документ об образовании к

нему долго ходили учителя, однако так ничему и не научили. Он даже начальную школу не закончил и всю жизнь вместо подписи, подобно французскому королю Генриху первому — супругу дочери Ярослава Мудрого, ставил в бумагах крестик. Я же, закончив «маленькую школу», обучение не бросил и, зная, что в старших классах за него нужно будет платить: на тот момент оно стоило, пусть и небольших, но — денег, — перевелся на вечернее отделение и устроился учеником в сапожную артель имени Чкалова к знаменитому тогда на всю округу двоюродному брату Максиму. — Отец мне показывал свою чернильницу. Она имела закручивающуюся пробку и не могла в дороге пролиться. На занятия подросток Володя носил ее в кармане, очень ею дорожил. А еще сумку, для школьных принадлежностей, не полотняную, а сшитую однажды самостоятельно из лично выделанной кожи.

Я думаю, что красавица Зина могла довольно часто попадаться на глаза Володе не только на Сибировке, или же на Стрижеевке, но и в центре посада — на Большой улице, когда он выходил из мастерских, и, покуривая «козью ножку», — смолить его научил брат Марк, — неторопливо шел домой. Отношения к отцу со стороны бабы Гаши — матери Зинаиды, ее сестры, да и брата: — он жил в Щурово, после женитьбы работал шофером и возил директора совхоза, — по жизни были теплыми. Они уважали моего родителя. Я помню, что, когда у нас не было бани, баба Гаша позволяла нам пользоваться своей с условием: топить ее должен был отец и

никто другой. Возможно, другим не доверяла. Я думаю, что, соседка, наверняка желала видеть его своим зятем. Однако, неожиданно двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года разразилась война. Она изменила, — поломала судьбы многих наших людей. В мире творилось страшное, несусветное — описать невозможно, да я и не буду этого делать, хотя бы по причине того, что родился несколько позже всех этих событий.

У меня мало информации, да и спросить уже не у кого — близкие мне люди умерли. Надежда лишь только на память. Я, садясь за компьютер, напрягаю свои мозги, сопоставляя события и факты что-то домысливаю, находя нужные слова, продолжаю развивать сюжет. Порой мне кажется, что я блуждаю по тенистым аллеям старинного Щуровского парка. Мне интересно, каким образом могла встретиться с подростком Володей девушка из поселка Вариново — Надя — моя мать и изменить историю его жизни. Из слов родительницы: она его знала еще до войны, видела мельком то в магазине, то на Большой улице у школы. Девушка после окончания у себя в поселке «началки», мечтая в будущем пойти учиться на фельдшера, доучивалась в Щурово. Ей необходим был аттестат за семь классов.

Надя знакома с Володей за руку не была, да и необходимости в знакомстве тогда не видела, хотя однажды, столкнувшись с ним, задержала на парне взгляд. Это из-за его, сказанных с иронией слов: «Сапожки, наверняка, у еврея шила,

— затем он сделал паузу и, неожиданно громко заявил: — А я бы лучше пошил». — Нет, не пошил бы он, лучше — обманул.

Я помню, как однажды жена дядьки Максима — тетка Ариша похвасталась перед матерью и другими женщинами, шедевром своего мужа — отменными сапожками. Обувь идеально сидела у нее на ноге. Отец это тоже заметил, и с завистью буркнул: «я тоже могу» — сшил. Однако они отличались. У отца не было времени самому выделывать кожу: та, которую он сумел приобрести на базаре, оказалась несколько толще, и оттого качество обуви было другим.

Мать в них сходила раз-другой в центр, покрутилась перед подругами, а затем по настоянию отца сняла обувь и забросила в угол. Очень уж они отличались от Аришиных: не имели того шика. Да оно и понятно, хотя учитель у отца был хорош, но не было той практики: война и служба в армии забрала целых семь лет, а еще для того, чтобы построиться он был вынужден переквалифицироваться. Отец, зарабатывал большие деньги, гоняя на луга по договору людских коров, к инструментам почти не притрагивался, пользовался ими лишь при случае, когда требовался ремонт обуви домочадцам, а еще в тяжелые времена. Это бывало по весне, когда заканчивались приготовленные на зиму впрок запасы и есть было нечего, снимать деньги со сберкнижки, для того чтобы сходить в магазин за хлебом мать не давала и тогда отец принимался за работу. Он, накидывал на себя подаренный

еще в годы ученичества двоюродным братом Максимом специальный фартук, и что-то мурлыча себе под нос, подшивал соседям кому сапоги, кому валенки. Из-за бедности отбоя от людей, приносивших отцу на починку изношенную обувь, не было.

Мне нетрудно представить как молодой парень Володя, окончив работу и выйдя за пределы длинного, что та колбаса, здания артели, сразу же направлялся в парк и шел домой через него. Там, в тени аллеи могла, будто случайно появляться и его возлюбленная — Зина, но никак не Надя. У нее не было времени гулять в парке. Незадолго до войны у девушки от воспаления легких умер брат и ей, пришлось взять на себя заботы о младших сестрах, едва заканчивались занятия, она торопилась домой — в поселок Вариново. Выбравшись из Щурово, девушка для сохранения обуви тут же снимала ее и шла босой. А это три километра пути пешком по шоссе, выложенным мелким камнем.

Я не бродил в парке со своей Зазнобой — соседкой Надей. Я расстался с нею сразу же после призыва в армию, и после долгое время с девушкой не виделся, — не было в том необходимости. Не знаю, какими бы стали наши отношения встретя она мне во время краткосрочного отпуска, когда я однажды прибыл летом на побывку. Не приехала она тогда в Щурово. Мать Нади, увидев меня случайно на улице сообщила, что дочь завалила экзамены в медицинский институт (выходит зря в детстве экспериментировала, — резала лягу-

шек), чтобы не возвращаться домой, она пошла на стройку, ее очень привлекли слова прораба: «Три года поработаешь, выскочишь замуж, — вы девушки такие, — и получишь от строительного управления свой угол. Поди, плохо!». — Не знаю, возможно, Надя рассчитывала привезти меня к себе на квартиру. Однако я не захотел стать ее примачком, так как на тот момент к женитьбе не был готов. В столицу меня никто не тащил, приехал самостоятельно, было куда. В Москве жила моя тетка — сестра матери. Одно время и моя родительница после войны успешно работала, правда, недолго на одном из крупных предприятий столицы. Но, не выдержав карточной системы снабжения — полуголодного пребывания, вернулась домой. Этот ее возврат на родину позволил возобновить знакомство с демобилизовавшимся на тот момент бравым солдатом Володей. Что еще я бы сказал о себе: у меня не было желания возобновлять свои отношения с Надей. А все по причине того, что я еще таская портфель в школу, там, на танцплощадке вбил себе в голову — мы неровня. Не мог я так уверенно и страстно ее поцеловать как парень с Криуши, обозвавший меня «сопляком». Я боялся перед девушкой опозориться. А вот закрутить роман с ее подружкой Наташей для меня было намного проще. Она оказалась более упертой: ради мечты подолгу вечерами сидела над учебниками. Год работы на стройке для нее не пропал даром: стаж был полезен при поступлении в ВУЗ. Девушка горела желанием снова попытать свое счастье. Я с нею провел все десять

дней отпуска. Время тогда было жаркое. Мы ходили купаться на речку. Никаких «обжиманий» у нас не было. Однако Наташа смотрела такими искрящимися глазами, что это меня тогда зацепило. Уже после службы в армии, когда я жил в Москве, работал и учился в институте, у меня были попытки найти Надю, а затем через нее и Наташу — девушку с искрящимися глазами. Но она мне по жизни не попала. Я с нею встретился в Щурово много лет спустя, придя к ее отцу — своему школьному учителю по русскому языку и литературе домой за рецензией на свою книгу. Мне на обложке отчего-то захотелось увидеть его слова и никого другого. Подруга Нади тогда была замужем, да и я тоже не свободен. Жизнь, непредсказуема: вертит нами, как хочет, не вникая в наши планы.

Многое что мы порой делаем, происходит как-то неосознанно, помимо нашей воли, будто течет в ручье вода или же сквозь пальцы сыпется песок. А все оттого, что нас затягивает течение жизни, его временные потоки и мы, не сближаясь, не замечаем снующих вокруг нас людей. Они — эти люди увеличивают вероятность всевозможных мимолетных необязательных на первый взгляд встреч и подталкивают нас к разнообразным событиям. Моя мать при случайных встречах с родительницей Нади, любила, остановившись у колодца посудачить, наверное, по этой причине мне однажды пришлось, чтобы не перечить ей, взять адрес девушки и на выходные съездить к ней в общежитие. Я долго искал нужную

улицу, дом, комнату, однако застать мне Надю не удалось и я, облегченно вздохнув, отправился назад к тетке, так как тогда проживал у нее. Миссию свою я тогда посчитал с успехом выполненной, но как оказалось напрасно, о моем приезде Наде сообщила вахтерша общежития и через какое-то время девушка предстала перед моими глазами. Я поговорил с Надей в кругу семьи своей тетки, затем проводил ее до метро и рассчитывал больше не встречаться, но не тут-то было. На следующий день она снова приехала. У меня была сессия, я хотел от девушки как можно быстрее отделаться и готов был на многое, наверное, только благодаря этому не удержался и сгоряча ей выпалил:

— Знаешь что? Я сейчас очень занят. Летом, у меня будут каникулы, и мы встретимся, ну, например, в парке, в тени аллей. Тебя это устроит? — Я, это сказал, не подумав, рассчитывая большую часть лета провести вне Щурово, однако Надя неожиданно за мои слова ухватилась. Она просто взвизгнула от удовольствия, подскочила ко мне и поцеловала в щечку. — Я, согласна! Я, согласна! — и, развернувшись, стуча каблучками, бросилась в метро.

Летом мы не встретились, чему я был несказанно рад, хотя не раз дефилировал по аллеям парка, правда, не один, а со своими братьями: Александром и Федором. Я их брал на подмогу, с целью если встреча состоится, то, чтобы она не выглядела свиданием двух влюбленных. Зачем испытывать судьбу? Молодой бравый солдат Володя мой родитель столк-

нулся с нашей будущей матерью ни где-нибудь, а в парке. Мне этого делать, ни в коем случае, не следовало.

Надежда в Щурово не приехала, она в тот год попросту неожиданно для всех даже для своих родителей выскочила замуж. Ей подвернулся парень из строительного управления. Ну, да ладно. Но, что важно? Я выполнил завет своей тетки Иры из Донецка, что на Украине. Она, прибыв с мужем Митей и дочкой Любой на отдых в Щурово, облегченно вздохнула.

Я не удержался и, взглянув на нее, с иронией спросил:

— Ну и что из того, если бы я вдруг женился на Надежде? Чем плоха эта девушка, а-а-а?

— А то, что она, да будет тебе известно, одна из внучек деда, убившего со своими дружками за полмешка проса мою крестную. Пусть земля ей будет пухом, а этому извергу — колом и тетка, торопливо перекрестившись, продолжила: — Негоже нам с ними родниться, негоже! — В те далекие времена, даже зная виновных, никто не заявлял, а значит и не расследовал произошедшее событие. Я человека в форме милиции в Щурово увидел лет в десять, да и то он был без оружия. Что он мог сделать считал я. Многие так считали. Вот если бы у него был пистолет Маузер, такой как был когда-то у моего отца, тогда другое дело.

Ну и ладно, не встретили мы Надю, не попалась она нам на глаза, но за то мы, прогуливаясь по парку, вдруг, неожиданно столкнулись с классными девчонками, довольно интерес-

ными и что главное — незнакомыми никому из нас. Федор мой младший брат должен был знать хотя бы одну из них. Но нет. Он на мои расспросы и приставания лишь только жал плечами и говорил, что нужно спросить у сестры. Она у нас была самая младшая.

Мы, познакомившись с девушками, отправились в Дом культуры на вечерний сеанс кино. Мне понравилась Наташа. Александр, крутился рядом с Людой, однако, проводив ее, от дальнейшей дружбы — уклонился. Он сказал мне четко и ясно: «Люда то Люда, да не та, — брат имел в виду, что девушка не идет ни в какое сравнение с внучкой бабы Гаши. Я в темноте пошел не с той девушкой, которая мне приглянулась. Выяснилось это, когда я обратился к ней, и, назвав по имени, в ответ услышал ее задорный смех. На следующий день я с Федором поменялся.

Мы ходили в кино, на танцы, а еще на речку купаться. Мой отец тоже ходил в кино, он любил посещать Дом культуры, знал многих актеров, участвовавших в съемках, и с интересом обсуждал их игру с матерью, например, Кадочникова, Ладыниной, Рыбникова, Зельдина и других.

Я слышал от соседей, что однажды мой родитель сумел затащить в зал даже своего отца — моего деда Ивана Павловича. То, что произошло после, навсегда отбило у того охоту посещать подобные мероприятия: он, когда в зале погас свет, очень напугался неизвестно откуда взявшегося локомотива, движущегося с огромной скоростью. Деда, тогда как

ветром сдуло, схватив кепку в охапку, он рванул на улицу и уже больше не поддавался не на какие уговоры. А вот Зина та могла пойти с Володей в кино. Утверждать я не берусь, но думаю, она ходила. Да и на речку тоже. Еще бы ей не ходить. Однажды молодой Володя проявил себя как герой, спас ее брата от утопления. Тот, пырнув, на ямке — синем виру, зацепившись штанами, запутался в корнях павшего дуба и никак не мог выбраться из воды. Многие из парней ныряли, но безуспешно, вытащить паренька на берег, удалось только Володе. Отец Зины за спасение сына привез Ивану Павловичу на повозке несколько мешков с пшеном, рожью, гречей.... Я думаю, что Зине не воспрещалось гулять с таким кавалером, каким был мой отец, и она после тяжелого трудового дня часто ходила с ним в толпе ребят на речку обмыться — привести себя в порядок.

Я знаю случаи, когда ребята, загуляв, были не в состоянии учиться и их исключали из института по неуспеваемости. Наверное, оттого в первые годы обучения родители не раз меня предупреждали: «Сеня, раз ты поступил в институт, учись, не торопись жениться, ты должен получить профессию. Пусть зарплата у тебя будет и не очень высокой, но инженер звучит гордо! «Хомут» одеть на шею ты всегда успеешь». Я соглашался. Торопиться было не время. Хотя Наташа мне нравилась, но и только. Завладеть мной полностью девушка была не в состоянии. Я прохаживался в парке в тени алей не только с ней, но и с другими своими знакомы-

ми, правда, не афишируя, тайком. Однако, я, после знакомства с Наташей, находясь в студенческих компаниях на институтских вечеринках, называл ее своей невестой, показывал любительскую фотографию у каштана, самим же сделанную и говорил: «Есть у меня Зазноба! Есть! Вот, смотрите! Не поверите, она меня ждет!». Это — спасало от приставааний. Друзья оставляли меня в покое. А еще такое положение обязывало меня, приезжая домой на побывку и, отправившись в Дом культуры или же на танцплощадку, — на тот момент уже умел выделывать ногами кренделя, — отыскивать девушку глазами и махать ей рукой. Она тут же, оторвавшись от подруг, подходила и, приветствуя меня, говорила: «Я знала о твоём приезде: меня известила твоя сестра. Иначе бы ты меня не застал здесь, не пришла бы, знаешь, я не хожу по всяким там...» — и Наташа многозначительно махала рукой. — «Злачным местам», — добавлял я. Наташа утвердительно кивала головой, и мы тут же громко смеялись.

Прошел не один год и моя, так называемая девушка, собиралась в город Таганрог учиться в техникуме (там у нее жила родственница). Ее путь был неблизким: полтора часа езды по тряской дороге на автобусе до Гомеля, а затем часов десять на поезде. Я тогда не удержался и на тот момент уже открыто, не прячась от людей, вызвался проводить Наташу. При расставании я неожиданно поцеловал девушку. Наш поцелуй был зафиксирован кем-то из знакомых моих родителей и на следующий день они все вдруг заговорили о моей

будущей свадьбе.

— Время быстро летит! — сказал отец, — Заметить не успеешь, твоя Наташа получит профессию. Ты уже будешь работать на заводе инженером, тебе как молодому специалисту дадут жилье. Я думаю, все идет нормально. Одному сыну — Александру мы с матерью справили свадьбу, женим и тебя, а там очередь и до Федора дойдет, — мой родитель на минуту задумался, затем не удержался и отметил, что дочь — наша сестра Анна может и обойти. — Твоя донецкая двоюродная сестра Люба уже беременна. Они с мужем ждут ребенка. Девочки, они такие. Им планы родителей не указ, — и, махнув рукой, отправился по своим делам.

Отец был прав: Александр ведь не стал дожидаться женитьбы старшего брата, — то есть моей, обручился неожиданно и быстро и что плохо не на внучке нашей соседки бабы Гаши — Людмиле, а на первой попавшейся девушке, он это сделал за компанию со своим другом. Тот находился в безвыходном положении, его невеста носила под сердцем ребенка, тянуть не было смысла.

Людмилу мой брат потерял. Она просила Александра подождать всего лишь год-другой. Ее слова: — «Я получу диплом, и мы распишемся!» — Девушка училась в Брянске в институте. Однако брат отчего-то ждать не стал. Возможно, на него подействовали мечты товарища «дружить семьями». Очень уж хотелось ему ездить по выходным друг к другу в гости. А зря.

У Александра не сложилась семья с первой попавшейся девушкой, что интересно — ее звали Надей, — Александр, когда у Людмилы тоже ничего с замужеством не вышло, с отчаяньем пытался, во что бы то ни стало вернуть свою первую любовь. Он готов был взять Людмилу даже с ребенком. Однако та перед ним поплакалась-поплакалась, да и отказала. Оно и понятно — разбитое уже не сложишь.

Я думаю, что и отец подобно Александру переживал о своей потерянной зазнобе Зине, — ему помешала война, — и в тайне надеялся: пусть хоть у сына будет все нормально.

Ан не тут-то было. Брак Александра и Надежды не раз трещал по швам. Они часто ссорились. То расходились, то снова вдруг начинали жить вместе, пытаясь наладить свою семейную жизнь.

Это все наложило на нас, его близких, горький отпечаток. Я, если бы знал будущее, не способствовал знакомству Александра с Надеждой, правда, не один руку приложил, еще и наш брат Федор поучаствовал, не иначе нас попутал бес. То, что произошло, не вписывалось ни в какие ворота. Александр, успешно окончив техникум, работал в пароходстве, на реках Белоруссии: таскал на буксире баржи с грузами. Он был на хорошем счету, его ценили. Но однажды неизвестно отчего решил жениться. Кто-то из друзей чтобы вытащить из неблагополучной семьи шестнадцатилетнюю девушку, — у нее пила мать, — предложил брату взять ее замуж. При этом товарищ еще и подсказал, что нужно сделать: «Сашок отказа

не будет. Надежда за тебя сходу пойдет: очень падка на молодых людей в форме. Ты только главное, когда пойдешь на первое свидание, не забудь надеть на голову фуражку капитана и все. Она навеки твоя!».

Так оно и получилось. Надежда работала на торговой базе, принимала тару. Я и Федор полазали «по сусекам», нашли несколько пустых бутылок и отправились взглянуть на претендентку в невесты Александра.

Девушка нам внешне, да и в умении вести беседу понравилась, иначе бы мы не познакомили с ней брата. После чего все внезапно покатилося — через месяц, ну чуть больше они поженились. На свадьбе у Александра меня представили Людмиле. Она оказалась дальней родственницей невесты брата, а еще подругой моей девушки Наташи. Что меня тогда удивило: у моего деда Ивана Павловича первая жена была прабабкой этой самой Людмилы. Не знаю, что подействовало на девушку, наверное, то, что я был ее первым парнем, который пригласил на танец, первым кто ее поцеловал, — она мне отчего-то стала очень часто попадаться на глаза. Затем я, по пришествию какого-то времени в разговоре с Наташей неожиданно узнал, что Людмила хочет и готова меня у нее отбить. Я тогда с братьями над всем этим посмеялся. А, зря. Так вести себя с девушками нельзя. Та же Наташа могла все ей доложить. Иначе, отчего в нужный момент, когда я вдруг стал задумываться: а не жениться ли мне на Людмиле, ее рядом со мной не оказалось? Нашла себе парня в Ростове.

В отличие от своих сверстников я вырослел очень медленно: ни шел, ни в какое сравнение, например, с парнем — Мишкой Ножиком, жившим на другом краю нашей улицы — у кладбища. Он часто попадался мне на глаза, так как проходил мимо окон моего дома: ухаживал за дочкой конюха Сергея Буравца. На вид Мишка — мужик-мужиком. Из-за любимой, а может по другой какой-то причине он забросил школу. Помог этому парню определиться мой отец. Он взял его однажды к себе в подпаски, заключив с его родительницей — одной, тяжело поднимавшей сына, и директором школы соглашение, устроившее все стороны и в первую очередь администрацию Щурово. Михаил, был приставлен к делу, а еще продолжил обучение в вечерней школе, поднакопив денег, парень сыграл шумную свадьбу. Затем молодые, достигнув совершеннолетия, пошли в ЗАГС и расписались.

Я на свадьбе не присутствовал, хотя и был приглашен, так как следовать примеру Мишки Ножика и жениться в шестнадцать лет был не готов. Для меня это было нереально, я хотел получить среднее образование: — учился на тот момент в Щуровской средней школе — в девятом классе. Не мог я жениться и в двадцать лет, вернувшись из армии: горел желанием пойти в институт, и даже в двадцать пять лет как это сделал мой отец, демобилизовавшись из армии. Не так давно, я, копаясь в старых родительских бумагах, нашел документ о регистрации брака своего отца и матери. Мне стало интересно, сопоставив с имеющейся у меня с супругой

корочкой, я заметил ощутимую разницу в возрасте. Оно и понятно. Я почувствовал себя мужиком лишь только в тридцать лет. И то это морально, а физически ко мне еще долго даже с женой под ручку, например, в магазинах продавцы обращались: «Мальчик, тебе чего надо?» — жена над этим часто подсмеивалась и, шутя, говорила мне: «Ах, ты, мой мальчик».

Таких парней, как я, тогда было раз-два, и обчелся. Мои родители, да и их знакомые, проявляя участие, торопливо подыскивали мне пару и стремились, во что бы то ни стало оженить. Я помню, мать сватала мне одну из разведенных женщин с двумя детьми. Та работала в Щурове в больнице врачом. Отец тоже как-то подталкивал меня и не кому-нибудь, а к дочке директора школы — намного старше меня. Женщина имела квартиру в Москве. Все эти претендентки мне в жены были неплохи собой, но не вгоняли меня в дрожь. Ни одну из них я не мог назвать зазнобой. А еще не был готов жениться. То-то сейчас! Кто бы мог подумать, что такое возможно. Молодежь — парни — защитники родины взрослеют еще медленнее. Они лишь только годам к тридцати пяти-сорока подумывают о женитьбе. И это бы еще ничего, можно и на «молодухе» жениться, однако не тут-то было, не те уже стали и девушки. Они очень разборчивы и если готовы выйти замуж и завести ребенка, то это тогда, когда этого делать уже нежелательно в силу физиологических изменений, происходящих в них самих. «Селявы», как гово-

рят французы. Люди очень сильно изменились, не те стали. Порой мне довольно трудно сравнить наше поколение и поколение наших дедов, отцов, а особенно молодое — детей и внуков: на разных языках мы говорим, не тот словарный набор — много заморского — не русского — чужие мы. Не оттого ли я в муках ищу хоть малейшие стороны соприкосновения. Они обязательно должны быть, обязательно, нужно только «занырнуть глубже» в прошлое.

Глава 3

Писатель — это человек несогласный с существующим положением дел, он готов переделать жизнь — свою, своих родных, близких, друзей и даже чужих людей до не узнаваемости, а порой, чем черт не шутит, замахивается и на все мироустройство, хотя бы в своих книгах.

У меня не раз поднималась рука при работе над «текстом» изменить жизнь Александра, но я не стал этого делать, так как до сих пор не могу понять, отчего он пошел с Надеждой «под венец». Как такое могло случиться? Не иначе это был неконтролируемый всплеск гормонов. Наверное, зря мы — я и Федор свели его с этой девушкой.

У меня не было тогда желания приезжать на майские праздники в Щурово. Федор тоже оказался дома случайно. Возможно, жизнь у Александра была бы другой? Хотя, размышляя на эту тему, я прихожу к мысли, что существенно ничего бы не поменялось! Друзей, у Александра посидеть с рюмкой за столом всегда хватало. Женился бы наш брат на Надежде и без нашего братского участия.

Мы в семье внешне пусть разные: я и Александр — черноволосые, Федор и сестра Анна — со светлыми шевелюрами (наш дед Иван Павлович — был светлым, другой дед — его родной брат тоже Иван Павлович — черным), в одном похожи — мы упертые, при том без исключения — все до

одного. Для нас главное подобно волку или же собаке из Щуровского Сучьего болота за что-то уцепиться, и вот оно это уже наше, ни за что не отдадим.

И мы не отдаем, менять задуманное, тем более, если оно уже определено — написано Писателем — не мной — с большой буквы — в книге жизни, не в характере у нас.

Брат Федор не раз мне говорил и по сей день при встречах не устает, твердит, что все на кановано и изменить кардинально ничего невозможно. И я с ним порой соглашаюсь, так как, разбирая свою жизнь по дням, даже — часам, не раз многому удивлялся в цепочке шагов, предшествующих тому или же другому большому серьезному событию. Не протиснуться, как бы ты не щемился. И если мы что-то и выбираем, то это что-то незначительно.

Мы богаты «задним умом», мы лишь можем анализировать и придумывать, как нужно было поступить. Но, что толку от этого? Может, записав все варианты «на корочке», мы в случае, если такое возможно в далеком будущем при перезапуске системы Богом исправим жизнь, а значит как-то и изменим себя, но только не в настоящем. Наша жизнь, что тот черновик, в ней много самых разных помарок. Оттого, наверное, нечему удивляться: я, прогуливаясь с Наташей в тени аллея парка делал это тайно. Я не знал, нужна ли она мне, далеко не заходил, а вдруг Наташа, — это не моя суженая. Зачем мне портить девушке жизнь. Я был намного старше ее и как мог себя сдерживал, однако в случае если бы наши

отношения зашли вдруг далеко — женился бы на ней. Просто она должна была подрасти. Хотя мне больше подошла бы одна из дочерей бывшей зазнобы отца Зины или же дальняя родственница Надежды — Людмила. Не зря же первая жена моего деда Ивана Павловича была ее прабабка — Устинья.

Я, глядя на Наташу понимал, что не могу ее привезти в Москву. Это в Щурове мне было достаточно, как это сделал мой брат Александр, сговориться с родителями девушки, затем сыграть свадьбу и жить семейной жизнью. В столице такой номер не прокатит. Я, устроившись после окончания института инженером на заводе, «выбивал» себе квартиру: стоял «в очереди» на жилье. Мне ее могли дать как молодому специалисту. Мужчина должен в своей жизни построить дом так вот я, можно сказать, строил его себе, затем я должен был родить сына. И если не получится от любимой женщины, то все равно от кого — неважно. Я это сделаю.

Наташа была девушкой неплохой, не по возрасту умной и расчетливой. Она могла бы стать моей женой. Наверное, я не зря заглядывался на нее. «Ты, — как мне однажды сказала на заводе одна коллега внешне чем-то похожая на цыганку — гречанка, иногда флиртовавшая со мной, — можешь ужиться и с ведьмой. А все из-за того, что у тебя врожденная боязнь: не дай Бог, причинить человеку боль. Оттого, ты будешь терпеть и мучиться».

Что еще? Есть в библии слова про какие-то там деревья, так я их посадил достаточно много, не только на приусадеб-

ном участке (сохранилась липа, вымахала о-го-го), но и в общественных местах, когда учился в школе. Это сейчас отчего-то школьники не хотят благоустраивать свой старинный парк. А зря, деревья стареют, деревья погибают как солдаты, — стоя в строю. Где в будущем будут прогуливаться молодые люди — большой вопрос. Ребята, торопитесь, найти саженцы можно везде, особенно их много на полях бывшего совхоза, сажайте, а еще неплохо и оградить парк забором, чтобы в нем не ездили машины. А то шныряют всякие там «шумахеры» на своих развалюхах и утрамбовывают колесами землю.

Однажды я, отправив Наташу в Гомель и «засветившись» всенародно, приезжая на побывку в Щурово, если девушка была дома, отдавал ей все свое свободное время. Мы ходили не только в кино или же на танцы, но и на речку купаться, а еще по ягоды и по грибы. Не обязательно только вдвоем. Желających отправиться в лес хватало. С нами часто была и Людмила. Эти две девушки были чем-то похожи на героинь из поэмы о Евгении Онегине — Александра Сергеевича Пушкина. Людмила была грустна, печальна, рассуждала повзрослому, однако физически на взрослую даму не тянула. Ну, что та дитя — Ольга. За то Наташа — явно походила на Татьяну. Она была готова как для рождения детей, так и для их воспитания о том я мог судить хотя бы по ее отношению к младшему брату. Девушка над ним, «что орлица над орленком...». Наверное, этим она меня и прельстила. Я невольно

тянулся к ней.

Наши встречи не были частыми. Мы могли надеяться лишь на праздничные дни, да еще на каникулы. Добравшись как-то в битком набитом общем вагоне поезда до районного городка, а затем на автобусе до Щурова, я торопился встретить Новый год. Братья на тот момент находились дома. Александр, закончив дела в пароходстве и поставив свой буксир на прикол, расходовал отгулы. Их за период судоходства с апреля по ноябрь накопилось на несколько месяцев. Надежда — его жена, поработав у него на буксире поварихой, была рядом. Сестра Анна и младший брат вернулись из Гомеля. Они учились в техникуме. Федор, отслужив в армии, следуя по стопам брата, готовился в будущем ходить по рекам Белоруссии. Я из них был более занятым, однако вырвался, нашел время. Мои братья и сестра о встрече Нового года договорились без меня. Я не упорствовал, так как приехал накануне праздника. Встреча была намечена в доме у Александра и Надежды, они на то время жили отдельно от родителей. А еще я узнал, Наташа, также была приглашена: постаралась моя сестра. Она мне будто случайно шепнула: — Я убедила твою Зазнобу ездить в Таганрог через Москву, а не через Гомель. Так что не ленись и покажи ей столицу во всей ее красе». Я тогда согласился и покивал головой. Однако в будущем из ее затеи ничего не вышло. Не зря же говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. Наташа в тот вечер меня отчего-то проигнорировала, я лишь заслу-

жил у нее один танец, все остальные она под медленную музыку из моего магнитофона крутилась с Федором. У него не было пары, и он решил за ней приударить. Рядом возле меня находилась Людмила. Она на вечер была приглашена родственницей — Надеждой. Я чтобы «насолить» своей девушке тут же пригласил Людмилу на танец. Ее мне тогда пришлось проводить домой. Мои мысли были просты: — «Я не женат, с какой девушкой хочу с той и гуляю». — На что я надеялся? На то, что мое поведение как-то отрезвит Наташу. Не отрезвило. В Москву я уехал один, а она с Федором вначале до Гомеля, а потом продолжать учебу в свой Таганрог. Полностью рвать с девушкой я не стал и на письмо, пришедшее еще до Нового года, ответил, как ни в чем не бывало. Однако дожидаться ответа многого стоило. Я мучился, не понимая, зачем тянуть: напиши все как есть. Да, мне неприятно твое поведение. Но я не собираюсь кричать и ругаться. Нет! Нет! И нет! Надо это мне? Себе дороже. Наташе, было что скрывать: она тянула неслучайно, попросту не знала, как рассказать о своих взаимоотношениях с моим братом. Я уже подробностей не помню, но во втором или в третьем письме она обмолвилась о том, что произошло у него в общежитии. Девушка рассчитывала, что в скором времени они поженятся. «Я с Федором об этом не разговаривала, — написала она, — но он как честный человек, поступит должным образом». Наташе после такого письма необязательно было поддерживать со мной переписку. Я бы ее понял. Одна-

ко, она отчего-то продолжала мне писать, я волей-неволей ей отвечал, наверное, был нужен. Возможно, она считала, что со мной, в будущем — деверем, ссориться ни в коем случае не следует. А еще Наташа, чтобы я не испытывал от новогоднего вечера горечи, подтолкнула ко мне Людмилу — они на тот момент переписывались, — и я в скором времени получил от девушки одно письмо, затем еще и еще. Мы стали общаться. Я рассказывал ей о красотах Москвы, Людмила желала поступить в институт, и мне пришлось отправить ей не одно письмо, описывая все в подробностях. Я ничего не скрывал, наверное, в том, что она поступила в ВУЗ, есть и моя заслуга.

На майские праздники в Щурово я спешил: мне не терпелось увидеться и с Людмилой, и с Наташей. Федор отчего-то не приехал. Причина мне стала ясна значительно позже.

В Доме культуры, мне сразу же на глаза попала моя бывшая девушка, я попытался увильнуть: важно было вначале встретиться с Людмилой, но из моей затеи ничего не вышло: девушки пришли вместе. Я поздоровался вначале с Людмилой, а уж затем и с Наташей, дав тем самым понять, кто для меня более важен. Это обстоятельство мою бывшую несколько озадачило, но она взяла себя в руки и подхватив меня, со словами: — Мне нужно с тобой поговорить, — попыталась увести в сторону. Я тут же резко «тормознул»: — Ну, это как твоя подруга, разрешит она нам уединиться или нет? — Людмила, улыбнувшись, разрешила, и мы вышли в парк.

Я не удержался и сказал Наташе: — Да-а-а, сколько мы здесь с тобой вечеров провели. . . . — Девушка ничего не ответила. Однако я почувствовал дрожь, исходившую от нее. Она уже не была моей Зазнобой, но ее трясло. Не дай бог никому такой разговор: Наташа тут же расплакалась у меня на плече и сквозь слезы стала говорить, что Федор ее избегает:

— Он, он, мне не пишет и не хочет со мной встречаться. Я приезжала в Щурово в марте на праздничные дни, его не было. Мог бы хоть поздравительную открытку выслать? Ты же прислал, а он нет. И вот сейчас отчего-то не приехал. Это все неслучайно. Что я такого сделала неправильного, а-а-а?

Я, как мог, успокаивал девушку. Придумывал всевозможные причины, чтобы брата обелить.

За нами прибежала Людмила:

— Ну, где вы? Фильм уже начинается. Идемте быстрее. Найдете время, поговорите. Я места заняла, но сами понимаете. . . . — В Дом культуры «народа» приходило намного больше, чем он мог вместить, многие «стояли у стеночки», желающих в наглуую занять пустые кресла хватало, оттого нужно было торопиться. Удержать людей надолго было просто не реально.

В тот вечер мне и Людмиле пришлось Наташу проводить домой, уж очень она была расстроена. Мы не только вели девушку под руки, но и как могли, на два голоса успокаивали:

— Да он попросту не может приехать, как ты это не понимаешь! У него «горит» по механике курсовая, — придумы-

вая на ходу, говорил я. Людмила тут же, как могла мне под-
дакивала:

– Вот, сдаст и приедет, зато на все лето! Ты обязательно его подловишь, если не в Доме культуры, то в каком-нибудь магазине. А хочешь, это если не терпеться, так наберись наглости и приди к нему домой. Пусть только попробует выгнать. Крик такой поднимешь.

Мы с трудом отделались от Наташи. Наверное, с час простояли возле ее дома, прежде чем отправиться восвояси. У меня на время пропало желание ходить в Дом культуры. Не нужны были ни кино, ни танцы. Я лишь только закончились праздники, тут же уехал из Щурово в Москву. Уехал торопливо и без всякого сожаления. До последнего дня я надеялся увидеть младшего брата Федора и сказать ему все, что о нем думаю. Но брата я так и не застал. Он, словно, предчувствовал наш разговор и боялся появляться мне на глаза.

Не сразу, но я получил от Федора письмо: брат хвастался своими любовными похождениями. О Наташе написал: «Я думаю, она должна быть на меня не в обиде, чего хотела то и получила. Это ты с ней по парку ходил под ручку, иногда целовал, а я мужик не такой как ты, — я решительный. Зря она ко мне пристаёт, уцепилась, что тот клещ проходу не даёт. А ещё орет во всю Ивановскую: — «Люблю, жить не могу! Ну и люби! Это твое дело. А я не люблю!».

Я пытался Федора по-братски вразумить, писал, что так поступать нельзя, что она своя, местная, а не приезжая — из

села. Ладно, девушки из училища, они получили профессию, уехали и их любовь закончилась. Да и то все не так просто. Вон — тыкал я ему: — друг нашего брата Александра — женился... Да, да женился на одной из учащихся училища и представь, доволен! У него уже растет сын, а скоро, — я слышал и пополнение ожидается»

Мне ничего не удалось сделать. Федор навстречу с Наташей не шел и всячески ее избегал. Я жалел девушку, не раз, находясь в Щурове на побывке, был вынужден, встретившись с ней в Доме культуры провожать до дома и успокаивать. Одно лето, когда Людмила отсутствовала: она уехала в Ростов сдавать в институт экзамены — плохо, конечно, что не в столичный ВУЗ, — я даже увлекся Наташей. Она это заметила и, поняв всю тщетность попыток завладеть Федором, неожиданно снова перекинулась на меня. Я, сообразив, принялся от нее отбиваться:

— Ну, зачем я тебе сдался? Что на свете мало парней? Высокие, красавцы! Выбирай любого! Да их и в твоём техникуме предостаточно.... Что, не так?

— У вас хорошая семья! А это многого стоит. Вы все в Щурово у кого не спроси на высоком счету, — А однажды Наташа не удержалась и пролепетала: — а еще, вы не пьяницы....

Тут я не удержался:

— Мы-ы-ы, не пьяницы? Ну, ты это девочка ошиблась! У нас отец любит заглянуть в бутылку. Думаешь, зря он пает коров? Только из-за одних денег? Чтобы построить но-

вый дом? Да-а-а? Так вот нет. На природе — в лугах милое дело пропустить стакан, другой.... Он войну прошел, а там немногие довольствовались сахарком, ты у отца своего спроси, основная масса мужиков была не прочь выпить, и им наливали и если хочешь знать не только по великим праздникам, — каждый день. Была пайка — наркомовских сто грамм. Он там пристрастился..., — я помолчал, а затем, взглянув на девушку, продолжил: — Да-а-а, наш отец борется с «зеленым змием», дает матери клятвы не пить и какое-то время не пьет, но затем снова и снова срывается. Ты знаешь, пословицу: «Яблоко от яблони недалеко падает». — И я буд-то укусив яблоко с огорода напротив окон бабы Гаши, — тут же скривился: — Мне неприятно тебе говорить, но в будущем я тоже могу спиться. И не только я, мой брат Федор, Александр. Так что мы не такие уж и хорошие. Знай это и не идеализируй нас. Идеальных людей нет!

Мне не удалось Наташу убедить, чтобы она оставила меня и Федора в покое и нашла кого-нибудь другого. Одно, что девушка сделала, — она перестала искать встреч с Федором в техникуме и в общежитии. Брат, подговорив своих друзей, всенародно пристыдил ее. Дальше Гомельского вокзала она уже не заходила, забиралась в поезд, следовавший в Таганрог, и уезжала на учебу. Правда, мне много раз твердила: — «Я несовершеннолетняя, я могу заставить его на мне жениться, могу, — ее старшая сестра, пригрозив своему ухажеру судом, так вышла замуж. Но, то сестра, Наташа была

совершенно из другого теста, — мякотела в двух смыслах этого слова, она быстро остывала и, успокоившись, неожиданно добавляла: — глупости все это, — вытирала платочком слезы, — насильно мил не будешь. Дура я, дура, нужно было слушать лишь свое сердце, а не мать: «Зачем тебе старый, вон Федор, он будет моложе Семена» — я и погналась. И что из того? А ничего! Пшик! Я должна была держаться за тебя и никого более. Так? — спрашивала она, когда мы шли под ручку по парку, заглядывала мне в лицо, но я молчал, не желал расстраивать девушку. Она, выждав паузу тут же горячо шептала: — Ведь все еще можно поправить? Не молчи? Скажи?». Я ничего не отвечал, а ей казалось, кивал головой.

Прошло время. Не знаю, как получилось, с Наташей я примирился и гулял, и с ней, и с Людмилой, а порой, и с двумя девушками сразу. С Людмилой я мог встретиться только в Доме культуры, а вот Наташа та могла и домой прийти. Она не стеснялась, нашла способ: взяла себе в подруги мою сестру Анну, а однажды даже нашла подход и познакомилась, с отдохавшей в Щурово, дочерью донецкой тетки Иры, — Любой и ее маленькой дочкой.

— Сеня, ну что ты хочешь взять ее замуж, простил? — не раз спрашивала у меня сестра. — Она красивая!

— Не знаю, — отвечал я и был прав. За мной бегала Надя, ну и где она — эта Надя? По словам матери девушки, тети Кати, дочь довольно успешно вышла замуж за москвича и — счастлива. В одночасье, подвернись Наташе молодой чело-

век и с нею произойдет то же самое. Она также как когда-то сменила меня на Федора, сменит на кого-нибудь другого более уважаемого. Забудет, что есть какой-то там Семен. Да и я сам не застрахован от любви с первого взгляда. В жизни все может быть. Мое время просто не пришло.

Я не торопился жениться. Меня доставали знакомые, близкие, а особенно родители. Хоть и не ездил в Щурово. Женись да женись. На тот момент моя сестра Анна отучилась в техникуме и по направлению уехала в Сибирь. С нею отправился, так называемый, ее жених. Однако жених в скорости вернулся, а сестра вышла замуж за сибиряка.

Я ездил на свадьбу сестры. Возвращаясь, домой из Сибири вместе с отцом и матерью, много от них выслушал всяких наставлений. Они в оба уха говорили мне о моем возрасте, — на тот момент тридцатилетнему парню, — пытались образумить. Я же в ответ соглашался, однако не торопился, было желание продолжить образование — окончить еще один ВУЗ — литературный институт, для чего подал документы и работу на конкурс. Однако, чтобы успокоить родителей, я, опустив «свою повинную голову», невнятно твердил:

—Женюсь! Обязательно женюсь! Вот лишь только вырастут мои невесты. Я же не в Щурово живу в самой Москве. Значит, это случится года через два-три... — и надолго замолкал.

Людмила училась в институте в Ростове и в Щурове почти не показывалась, очень тяжело ей давалась учеба. Летом по-

сле окончания первого курса она приехала на неделю домой, затем уехала со студенческим отрядом на работы. Там ей попался, как мне после сказала ее родственница — жена Александра — Надя — молодой донской казак. В один из праздничных дней, я в Доме культуры, на мгновение, увидев девушку, послушал ее восторженные речи, после чего мы расстались. Больше ее я никогда уже не встречал. Появляясь в Щурово, я, пытаюсь узнать о ней больше информации, часто гулял по парку с Наташей. Наверное, зря. Девушка просто уверовала, что я буду ее мужем, особенно после того, когда внезапно женился Федор.

Наташа, после защиты дипломной работы, перед получением документа, приехала домой. Она нашла время и, побывав у моих родителей, взяла у них мой новый адрес: я на тот момент получил от завода однокомнатную квартиру. Мать в письме мне сообщила: «Жди, собирается, к тебе. Она получила распределение на Урал. Ты же не мычишь, не телишься. Так что будет тебя сватать. Хорошенько все взвесь, прежде чем что-то ей ответить».

Перед отъездом в Москву Наташа дала мне срочную телеграмму, я ее получил поздно вечером, спал плохо, подхватившись чуть свет, попытался «поймать такси», но не тут-то было, на вокзал отправился на метро. Добраться вовремя, до прибытия поезда мне не удалось, слегка опоздал. Походил-походил, махнул рукой, делать нечего поехал на работу.

При необходимости Наташа могла дожидаться меня на пер-

роне, но она отчего-то ждать не стала. Уже позже, вечером при встрече девушка мне сообщила, что ей в вагоне попалась словоохотливая попутчица:

— Я с ней познакомилась, — объяснила мне Наташа: — Женщина живет в твоём районе. Мне пришлось ей помочь дотащить вещи, она напоила меня чаем и показала, где находится твой дом. Я же не знала, дошло мое сообщение или же нет. Будешь встречать, не будешь? Что если у тебя бы ничего не получилось? Твоя мать сказала мне, что ты часто бываешь в командировках. Сиди тогда на узлах и жди у моря погоды? На такое я не подписывалась!

Да, Наташа была права. Однако, с другой стороны, не зря же ей попалась эта женщина, не зря мы разминулись. Значит, быть нам вместе — не судьба. Я так это понял и постарался от нее отделаться, но сделать это было невозможно. Представьте себя на моем месте?

— Меня, — сказала девушка, — ждут только через неделю. Ну, выставишь ты меня и где мне ночевать? Не на вокзале же? У тебя вон, сколько места.... Я не стесню, согласна на полу лечь.

Наташа не стеснила меня, спать на полу не стала, тут же нашла место под боком. Ночью, я все делал, чтобы не возбудиться и не забраться на нее. Однако заснуть ни как не мог. Девушка, прижавшись ко мне неожиданно пролепетала:

— Ну, ничего страшного, вот женишься на мне, а если не будешь справляться: у тебя есть брат, он поможет.

Я этим ее словам значения не придал. Они мной были услышаны позже, когда Наташа меня соблазнила, и мы с ней неплохо провели время.

В пылу жарких ночей, я на ее вопрос: — А вдруг, забеременею, и что мне тогда делать? — пыхтя, отвечал: — Своего ребенка я не брошу! — Жениться я бы на ней не женился: просто исправно платил бы алименты и всего лишь. Такой я тогда был. Наташа поняла мои слова по-своему и старалась «залететь», но видно было не время.

Наступил момент: я посадил Наташу на поезд и отправил на Урал. Отбывая, она мне кричала из открытого окна:

— Давай встретимся летом, в июле! Обязательно приезжай в Щурово! Я, буду тебя ждать!

— Давай! — кричал я в ответ, отлично зная, что отпуск у меня по графику был намечен на август. Это мне позволяло не поддаться чарам Наташи, а значит остаться свободным.

Однако, прошла зима и обстоятельства резко изменились: я был вынужден для того, чтобы совместить свой отдых с сестрой Анной забыть про август и взять отпуск в июле. Что интересно? Сестра прибыла в Москву не только с мужем, но и со своей подругой Еленой. Мы с ней ездили по знаменитым столичным местам. Она была в восторге от моих экскурсий. Был доволен, и я иначе бы не забыл о Наташе своей бывшей невесте.

Дня через три мы всей компанией отправились на поезде в Щурово. Мои родители тут же заметили мое состояние от

нахождения рядом Елены и от удовольствия потирали руки.

— Сеня, так держать! Все твои братья и сестра живут семьями, а ты все ходишь бобылем. — Правда, они закрывали глаза на Александра. У него в семье хватало проблем, порой непонятно было то ли он женат, то ли нет. Наш брат понемногу спивался. Вся молодежь и табаком балуется, и выпить не прочь, но проходит время и не найдя прока в своих увлечениях парни и девушки отдают все свое время работе, семье, детям. Так и должно быть. Однако у Александра с Надеждой не получалось завести детей и он все чаще заглядывал в бутылку, а порой и лез в нее — закатывая жене грандиозные скандалы. Я этим пользовался: мне стоило кивнуть на брата и мать или же отец тут же замолкали, но ненадолго:

— Ты посмотри, посмотри по сторонам. Ну, никого же нет! Ты, здесь у нас один холостяк на всю Сибировку остался! — И они были правы. Мне следовало задуматься, у многих моих сверстников уже бегали дети.

У нас с Еленой все было хорошо. Дело шло к свадьбе, но вот вдруг примчалась, на тот момент совершенно забытая мной Наташа и принялась увещевать, что это она со мной ходила прилюдно под ручку в тени аллей парка, а не Елена.

— Ты, что не понимаешь своего счастья? Я ведь тебя люблю, я, а не она? Откуда только взялась на мою голову эта... — моя бывшая махала над головой рукой и умолкала, но отчего-то не уходила, крутилась рядом недалеко от нас. Если я пытался ее культурно выпроводить за ворота, девушка тут

же поднимала хай:

— Я пришла не к тебе, а к твоей сестре Анне, вот так! — И была права. Я тут же шел на попятную:

— Ну, хорошо-хорошо, не буду вам мешать, — брал свою новую подругу под ручку, и мы отправлялись в парк гулять в тени аллей.

Наташа, следовала за нами буквально по пятам. Не отставала. Правда, скоро ей это надоедало, и девушка, хмыкнув, наблюдала за нами со стороны. Мне не хотелось ее расстраивать. Я не лез на рожон. Она знала о моей порядочности и ждала удобного момента, чтобы подловить меня — остаться наедине. Уж тут бы она со мной «расправилась». Я вспоминал, как ловко у Наташи получилось в Москве. Устоять мне тогда не удалось: сдался, правда, не сразу. Ей бы такую страсть ко мне проявить до близости с Федором.

Александр часто находился рядом, видел мои затруднения, — он тогда отдыхал в Щурово, — его буксир был остановлен на ремонт, — не выдержал и, оттащив меня в сторонку, сказал:

— Сеня, плюнь на все, пока не поздно гони этих баб и одну и другую куда подальше, я вот послушал друга, женился, думал, будем дружить семьями, а не получается, мучаюсь. Порой встретимся, напьемся до оупения, аж, самому противно и только. А не женился бы: — гулял и горя не знал! Вот так! Я бы с тобой в Дом культуры ходил в кино, на танцы, нашел бы себе зазнобу и зажимался в парке... А так, то

ли женат, то ли нет!

Да, брат был в какой-то мере прав. Я это понимал, однако не в моем характере было вот так все бросить. Я же не оставил Наташу, когда Федор ее обманул, пытался все уладить, не получилось, теперь я должен был расстаться с ней по-хорошему, друзьями, а еще я боялся, как бы она не опозорила мою новую невесту — Елену. Мы на тот момент собирались отправиться в ЗАГС — не хватало того, что Наташа припрется куда ее не звали и все расстроит.

Это все понял отец и, найдя время, он сказал: — Любовь, — это желание жить вместе, помогать и жалеть друг дружку, рожать и воспитывать детей, не забывать о своих родителях. Елену, ты еще не знаешь. У вас всего лишь одни симпатии. Однако этого порой достаточно. Я ведь был не против этой твоей Наташи. Ты о том знаешь, но она предала тебя, она погналась за твоим братом. Ладно, — был бы это чужой человек. А так в будущем я вижу скандалы и распри. Я не хочу, чтобы ты безвылазно сидел в своей Москве, держал рядом жену и детей из-за боязни, а не закрутит ли там моя благоверная в Щурово роман с Федором?

Мне трудно было не согласиться с отцом. Наверное, если бы Наташа надавила на меня там, в Москве, я бы на ней женился, но сердце мое неожиданно остудила холодная зима, затем весна выдула теплыми ветрами из моей головы всю дурь: меня знобило теперь лишь только от Елены. Я дрожал от случайных соприкосновений с ней, а не от своей бывшей

невесты. Она, возможно, могла бы разбудить мои увядшие чувства, но для этого нужно было приложить немало сил, а еще и времени. А его-то у Наташи и не было. Ох, как бы она хотела стать хозяйкой в моей новой холостяцкой квартире и ни где-нибудь, а в Москве. Девушка все делала, чтобы остаться со мной наедине и поговорить с глазу на глаз — не знаю, на что она рассчитывала? Я, как мог, упорствовал и не поддавался ей. О том, что могло произойти, я узнал много лет спустя. А тогда я все свое время проводил с Еленой.

Однажды мы все вместе отправились в центр Щурово. Шли парами: Наташа с сестрой впереди, а я с Еленой за ними следом в некотором отдалении. Моя невеста, толкнув меня локтем хмыкнула: я, уловив ее взгляд, понял, она хотела обратить мое внимание на фигуру бывшей невесты и на то, как та несет себя. Наташа была хороша. У меня не было слов. Однако, чтобы не обидеть Елену я равнодушно пожал плечами и всего лишь.

Добравшись до Большого магазина, мы остановились. У меня не было желания заходить в него, я остался у входа, а затем в ожидании женщин отправился побродить в одиночестве по парку. Оказалось, что напрасно. Наташа, едва заглянув в магазин, тут же торопливо выскочила из него. Я, даже двух шагов не успел сделать, как девушка предстала предо мной:

— Сеня, можно мне с тобой поговорить? Я завтра уезжаю, — Наташа посмотрела с печалью в глазах, — Много времени

это не займет. — Я размяк, меня тронули ее слова, хотел было уже согласиться, но неожиданно в этот момент моя невеста, словно, предчувствуя плохое, вдруг покинула магазин. Она, окликнув меня, стала спускаться по лестнице вниз. Я, тут же пришел в себя и, опомнившись, ответил своей бывшей девушке жестко:

— Нет, нет и нет! Ну, сколько можно нам с тобой говорить о том, что когда-то было, пусть даже не так давно — осенью прошлого года, но это все уже в прошлом! Пойми! И не приставай больше! — развернувшись, я пошел навстречу Елене, взял ее под руку и вместе с нею мы поднялись в магазин. Не дав Наташе времени выговориться, я смог отбиться от ее притязаний.

— И что этой девице от тебя нужно? Никак не успокоиться — преследует и преследует, — услышал я голос Елены.

— Да-а-а! Но больше, я надеюсь, не будет! — затем сделав паузу спросил: — Тебе что-то приглянулось, хочешь купить?

— Хочу! Мы завтра с тобой должны выглядеть соответствующе нашему предстоящему событию.

На другой день мы пошли в Щуровский ЗАГС и без каких-либо помех под аплодисменты родственников и знакомых расписались. У нас не было чего-то сверхъестественного, хотя это событие для нас и было значимым. Так уж получилось, что заявление в ЗАГС мы должны были подать месяц назад, пришлось написать его задним числом, дата совпала с одной из годовщин ухода из жизни близкого Елене

человека. Мы бы могли прийти на день-два позже, однако рисковать не стали. Нам не позволил отец. Он, наверняка понимал, чего стоит день-два промедления. Неизвестно, что могло произойти за это короткое время. Жизнь — не предсказуема. Нужно дорожить каждым ее мигом и без необходимости не испытывать судьбу. У отца, я думаю, тоже была возможность жениться на Зине — по весне, а не тянуть. Однако, он посчитал, что месяц-другой ничего не решает — торжество можно закатить и осенью и свою зазнобу потерял, — потерял навсегда.

Глава 4

Отпуск подходил к концу, как такового медового месяца у нас не было: — неделю, ну чуть больше, мы пожили отдельно от всех в маленьком домике уютной летней кухни на два окна. Для нашего уединения это пустующее здание было что надо: нам никто не мешал.

Домик этот стоял несколько в стороне, в тени яблонь, имел сени и большую комнату, вмещающую сложенную из кирпича плиту на две конфорки для готовки пищи, двухспальную железную кровать — на то время соответствующую моде, диван, стол, несколько стульев и буфет для различной посуды и продуктов. На стенах висели вышивки — одна из них какой-то моей дальней родственницы Тони, а в правом, отчего-то не в левом углу у самого потолка — икона Николая-чудотворца для моления, до того старая-престарая — ни в коем случае нельзя трогать — упадет и рассыплется. А еще на выходе можно было заглянуть в зеркало. Я, выходя за порог, фиксировал в нем свое состояние: возбужден, весел или же спокоен.

Еду мать готовила в доме, правда, чтобы во время сна не мучиться ночью от жары, не в печи, а на газу на плите, установленной отцом в коридоре.

Для семьи необходимости летняя кухня на тот момент не представляла. Жить в ней мы могли до самой осени. Роди-

тельница ее сдавала внаем учащимся училища. Занятий летом не было, шел набор на следующий год.

Это в ней брат Федор, забравшись к девушкам на огонек, нашел себе жену. Правда, что интересно: недавняя школьница привлекла его значительно раньше. Случилось это довольно забавно: однажды, прибыв на выходные из Гомеля Федор, сойдя с автобуса, увидев девушку и, заинтересовавшись, долго шел за нею следом по парку, хотел догнать и познакомиться, но отвлекшись, — навстречу попался товарищ, — потерял. Какого же было удивление брата, встретить ее, можно сказать, у себя — дома.

Жениться Федор не хотел, оформление брака прошло под давлением родителей. На мой взгляд, ему ничто не мешало пойти в ЗАГС и со своей девушкой из Щурово, например, с Наташей. Отчего-то, не пошел. Неизвестно, что могло помешать моему брату? Может, девушка в первую ночь близости не удержалась и болтанула что-то такое: «А-а-а, вот ты дружок и попался!». Гонора у Федора хоть отбавляй. Не иначе слова девушки обидели брата, не иначе.

Уезжать: я и Елена не хотели, но пришлось собираться. Нас ждали дела. Я торопился на работу, моя супруга домой, чтобы известить родителей, друзей и знакомых о своем новом положении: у нее на безымянном пальце правой руки блестело золотое колечко.

Мы вначале добрались до Москвы, а уж затем я посадил своих родственников на поезд. Они отправились в Сибирь,

до Кемерово. Я, помахав на прощанье рукой, долго чувствовал себя рядом с ними, оттого не уходил, — крутился на вокзале, «нарезал круги». Однако, чтобы не привлекать внимания людей: был вынужден с толпой народа спуститься вниз в метро.

Найдя время, я на октябрьские праздники отправился в Сибирь, там познакомился с родителями жены, а также побывал у сестры. Елену мне сразу не отдали, только после того, когда сыграли еще одну свадьбу. Нам кричали: «горько» и желали счастья.

Я думал, что мы в Москву полетим на самолете. Четыре часа и на месте. Но, так как у нас набралось очень много всяких вещей, в основном подарков — и Елене все хотелось взять, — пришлось довольствоваться поездом. Путь у нас был долгим. Однако нет худо без добра. Время нахождения в дороге позволило нам наговориться и лучше узнать друг дружку...

До того, как отправиться в столицу жена съездила к себе в ВУЗ и перевелась на заочное отделение. Я после попробовал устроить Елену в Московский институт культуры на тот же факультет — библиотечный, но учебное заведение находилось далеко от дома, — аж, в Химках, — два часа езды, а еще возникли проблемы, из-за которых требовалось пожертвовать годом учебы. Это нас не устроило. Она так и училась все годы, летая на сессии в Кемерово.

Работу, я Елене нашел на своем заводе и довольно быст-

ро, так как предприятие имело огромную сеть библиотек, насчитывающую одиннадцать филиалов. В одном из них — центральном, во Дворце культуры завода, у моего товарища, директором работала супруга. Мне не представило труда в считанные дни устроить в один из них и Елену. Она от удовольствия потирала руки. Было отчего. График работы Елены совпадал с моим, ей не нужно было тащиться в библиотеку по субботам и воскресеньям. Эти дни мы могли потратить на свой досуг.

Скоро у нас родилась дочь, затем сын. Однажды, когда мы были в Щурово, я, увидев в дупле старой яблони наливки (она и сейчас еще жива и даже плодоносит) гнездо двух синичек-гаечек, таскавших своим птенцам червячков, не удержался, подозвал жену и, указав на птиц, сказал:

— Смотри, ну прямо как мы с тобой — в магазин — домой, в магазин — домой Таскаем и таскаем полные сумки с продуктами. Да еще и с Щурово нет-нет что-нибудь прихватим: родители нас никогда с пустыми руками не отпускают.

— Да, правда, но кроме всего этого, — дополнила жена, — мы с тобой еще отводим дочку и сына в детский садик, затем бежим на работу, с работы, и снова в детский садик, на работу и с работы...

То, что отец оказался прав, заставив меня не заглядываться на Наташу, а жениться на Елене, я понял это, когда наступили тяжелые времена. На тот момент, я работал в научно-исследовательском институте. У меня как у кандидата

технических наук была приличная зарплата, но после разрушения страны она стала никакой, а еще ее нам научным работникам стали платить от случая к случаю: все зависело от наличия на счете НИИ денег.

Я, родителям тогда не раз говорил: — «Вам досталась война, а нам эта чертова «горбачевская перестройка». Он умер, взбаламутив людей, оголив все их пороки, многих доведя до помешательства и даже самоубийства. Неизвестно, что будет со страной и Миром в будущем, но то, что он теперь лет на сто будет избавлен от застоя и скуки это точно».

Не знаю, как бы мы выдержали тяжелое бремя «девяностых», если бы не помощь с села. Только благодаря ей мы спаслись.

Жена из заводской библиотеки была вынуждена уволиться, так как книги вынесли на помойку, а здания продали, и отправиться работать в школу, в ту, в которую я однажды устроил нашу дочь, а затем и сына. Правда, не просто так, я способствовал передаче нескольких компьютеров на тот момент для НИИ, не представлявших никакого интереса, а еще благодаря тому, что часть хороших книг Елена, пожалев, до помойки не донесла, и мы ими, — я принимал активное участие в транспортировке, — ошутимо пополнили фонд школьной библиотеки. Это тогда очень помогло учебному заведению. Директор школы была нам благодарна.

Чем было привлекательно трудоустройство Елены в школу? Учителям хоть как-то, пусть немного, но стабильно пла-

тили. А еще, жена на работу отправлялась вместе с детьми. Все будни и не только — они у нее были под присмотром. На улицу детей мы одних не отпускали, такое было время. Я уделял внимание дочке и сыну лишь по вечерам после работы, в выходные дни или же вовремя отпусков, если не находился в командировках. Моя научная деятельность того требовала. Отдельные мои попытки зарабатывать дополнительно творческой деятельностью результатов не приносили. Стихи не печатали. Я перешел на прозу придумывал для своих детей небольшие рассказы. Одна из редакций известного журнала для молодежи взяла несколько моих работ и даже что-то напечатала, но после развалилась.

От родственников из Сибири мы были вынуждены на время отказаться, как и они от нас. Не наездишься. Билеты на дорогу стали стоить баснословных денег. Их, при маленьких зарплатах не купить. Для поддержания отношений, нечасто: раз-два в месяц мы звонили им по телефону, в надежде когда-нибудь встретиться. Время тогда было такое: мы едва сводили концы с концами. Мне одна знакомая коллега как-то сказала: «Я, работаю исключительно на один туалет: поел-сходил, поел-сходил». Я похвастаться тоже не мог. О походах в театры, музеи, кино и прочие культурные учреждения, требующих покупки билетов мы даже не заикались. Что нам оставалось, так это какие-нибудь бесплатные самодеятельные мероприятия своими силами для детей, вначале в детском саду, затем в школе и не более того.

Отправлять детей на отдых в пионерские лагеря в девяностые годы было также нереально — дорого. Дочь и сын все летние каникулы проводили в селе у моих родителей. Это недалеко от столицы. У жены, как у учителя был большой отпуск, она, находясь рядом с ними, могла приглядывать. Я тоже приезжал в Щурово, правда, нечасто от случая к случаю.

Однажды, отпуск у меня по графику выпал на лето. Я приехал на родину, как сейчас помню: занимался ремонтом уличного забора, менял прогнившие перекладины и доски, укреплял покосившиеся столбы. Неожиданно на велосипеде появился у дома Федор, завидев меня, подошел, поздоровался, Елены рядом не было, он наклонился и тихо почти шепотом на ушко сказал мне:

— А твоя-то зазноба на чужбине недолго пробыла, приехала к родителям в Щурово! Сам знаешь, голод не тетка! — Я не удержался и тут же его жестко осек: — Моя, да будет тебе известно, находится рядом, на огороде с детьми, занимается прополкой гряд. — Я догадался, кого он имел в виду, — Наташу. Она была такой же моей, как и его. У меня не было желания искать с ней встреч. Да и не к чему это было. Правда, мне не составило труда представить себе, что могло случиться, если бы я тогда не внял совету отца и потерял Елену. Федор на тот момент со своей женой конфликтовал: — причины мне не известны, — но то, что он мог зажать Наташу где-нибудь в углу или же она неожиданно броситься

в его объятия, сомнений у меня не вызывало. Старая связь не забывается. Порой даже крепче становится.

Да, я был благодарен отцу. У него за спиной долгая жизнь: он на виду у всех прохаживался в тени аллея Щуровского парка с красавицей Зиной, затем во время выполнения своего гражданского долга по зачистке территории от фашистских прихвостней, — бандеровцев, жил с женщиной. Та родила ему девочку. Однако отец ее своей не признал. Моя мать может быть в благодарность за то, что соперница, попытавшись вернуть себе мужа, не была настойчивой — уехала, или же, понимая какого женщине, нагулявшей ребенка, жить под постоянно осуждающими взглядами сельчан, стала ей помогать. Она, вначале тайком от отца, а затем и открыто высылала деньги, пусть и небольшие, но формально этого было достаточно, чтобы показать: дите имеет право на жизнь.

У меня в девяностых тяжелых годах не было возможности часто бывать в Щурове, подолгу разговаривать с родителями, нужно было «крутиться» — зарабатывать деньги. А еще я, если представлялась, возможность, как-то вырваться на малую родину, то пытался помочь им, а отправляясь в столицу, взять с собой картошки, свеклы, моркови и других продуктов. В селе на то время жизнь была несколько легче, чем у нас в городе: людей кормила земля.

Что плохо, отец тяжело болел: у него врачи нашли бронхиальную астму. Эта болезнь — последствия войны. Ему не

раз приходилось в любое время года вместе со своей воинской частью форсировать большие и малые реки. Однажды во время одной такой операции вражеской авиацией был разрушен ледяной покров реки, и он со своими товарищами оказался в холодной воде. Спасло то, что он хорошо плавал. Правда, льдиной ему тогда чуть не выбило зубы. Солдат Володя переохладился и после долго мучился, — захлебывался в кашле, такое случалось ни раз. В мирное время отец, работая на поле во время взрыва на Чернобыльской АС, расположенной в восьмидесяти километрах от Щурово, наглотался пыли и получил большую дозу радиации. Это еще сильнее подорвало его здоровье. Он стал задыхаться. Я, как мог, помогал родителю: отыскивал в аптеках Москвы дефицитные баллончики с лекарством, а затем отправлял их в Щурово. О том, что мне нужно приехать сообщил брат Федор: — позвонил поздно вечером по телефону. На следующий день я отпра­сился у начальства с работы, взял билет и отправился в дорогу. Отца, я в живых не застал, попал только лишь на похороны. Ноябрьский день меня встретил мелким нудным морозящим дождем. А еще, я запомнил, путающегося под ногами маленького неизвестно откуда прибывшегося и жалобно мяукающего котенка.

Мать рассказала мне о последних днях, часах и минутах жизни отца. Она передала разговор с ним и слова, которые отец говорил, а еще что ей только одной прошептал на смертном одре: «Я очень-очень грешен! Я, виновен в смерти сво-

его лучшего друга, я и никто более!».

«Не думай об этом и ни в чем себя не вини, — прошептала в ответ ему мать: — Иди с Богом», — а затем закрыла глаза.

Рядом находился брат Федор....

За что отец просил у Бога прощения? Почему он себя считал виновным? Неизвестно, ни для меня, ни для всех его родных, даже для матери, так как он не любил разговоров о войне. Она разрушила его жизнь. В отличие от других своих друзей фронтовиков он не посещал праздничные мероприятия и если как-то отмечал день победы, то лишь стаканом-другим самогонки за погибших солдат.

Тайна отца не раз заставляла меня задумываться. Я желал во чтобы, то ни стало разобраться во всем. Нет такого человека, неспособного проговориться. Ведь какая-то информация могла случайно сорваться с его языка.

Давно, еще в детстве, я помогал отцу вместе с Александром пасти людских коров и слышал от него, что с фронта он вернулся с трофейным пистолетом. «Ох, хорош был Маузер — шестнадцати зарядный», — не раз с сожалением говорил родитель. Мне было непонятно, зачем он был ему нужен в мирное время? Это ведь не ружье! На охоту не походишь.

Прошли годы и я, размышляя над словами отца, сказанными матери на смертном одре, гоню прочь от себя мысль, что если он, демобилизовавшись, вернулся в Щурово с раной в сердце и этот, чертов пистолет ему был нужен, чтобы однажды, не выдержав угрызений совести, порешить с со-

бой. Не зря же солдат Володя порой напивался до потери пульса и, словно ребенок, плакал навзрыд. Дай ему оружие и все, конец. Разве могла бы его удержать родительница, я, его сын, мои братья Александр и Федор, сестра Анна. Не было бы у нас отца.

Моя баба Вера, — родительница отца, все делала, чтобы как-то отвлечь своего мечущегося сына — спасти. Из четырех детей у нее осталось лишь двое. Он и дочь Ира. Не зря же проследив за Володей, она нашла схрон и, выкопав мазер, выбросила его вместе с патронами в колодец. Отец тогда долго ходил сам не свой, однако прошло время, и он успокоился, посчитал, что так, наверное, и должно быть. Война закончилась, и нечего возвращаться в прошлое, нет в том смысла. Однако сейчас, я, видя, что твориться в мире, понимаю, отцу нужно было говорить о войне и не только нам детям, но особенно внукам. Пусть бы они знали о фашизме все. Фашист не может быть хорошим ни немецкий, ни украинский, а тем более не добитый бандеровец — «мазепан». Иначе не миновать нам новой мировой войны.

Я не раз задавался вопросом: что могло такое произойти с отцом в те далекие послевоенные годы на территории Западной Украины во Львове, где он молодой солдат выполнял, возвратившись после победы над фашистской Германией из Чехии — Праги, свой гражданский долг. Отчего отец винил себя в гибели друга, и кто был этот друг? Такой же, как он, прошедший войну солдат не раз, спасавший Володю в тяже-

люю минуту от смерти. Может это был тот его товарищ, с которым он часто ходил в разведку. Я слышал от отца о некоторых опасных эпизодах из его военной жизни. Однажды, забравшись за линию фронта и, взяв языка — толстого немца, они тащили его в расположение батареи и тот, дождавшись момента, чуть было не расправился с ними. Вытащив, спрятанный в одежде Маузер, он выстрелил и если бы солдат Володя вовремя не ударил фрица прикладом автомата по голове, — не промахнулся. А еще отец рассказывал, как фашисты их засекли, и он удачно вывез друга из-за линии фронта на своей низкорослой лошади — Монголе через болото в полной темноте. Тот, вовремя начавшейся стрельбы, не успел забраться на свою кобылу. Она, отчего-то испугавшись, неожиданно взбрыкнула и понеслась. Пули просвистели у них над головами. Расчет, у стрелявших фрицев был на всадников, сидящих на больших конях. «Тогда взять в плен немца нам не удалось, — с жаром говорил отец, — но за то мы вернулись живыми. Лошадь товарища тоже не пострадала. Она, придя в себя, прискакала следом».

Нет, не мог Володя не раз спасавший своего товарища, затем его вдруг убить. Не виновен он, может быть, всего-навсего явился невольным свидетелем, произошедшей трагедии, не сумел, как раньше на войне, вовремя ему прийти на помощь. Тут ничего не попишешь. Одно я могу сказать, мать не знала подробностей и на мои вопросы ничего внятно мне не смогла ответить. Мои братья, хотя они жили в Щурово

недалеко от родителей, тоже были в затруднении что-либо выдать из себя. Наша сестра Анна жила вдали от родных мест, как и я. Что мы могли знать? Только то, что отец нам рассказывал в детстве. А что он мог рассказывать серьезного в детстве, например, мне — мальчику? Да ничего особенного. То, что я мог понять своим детским умом. Для меня было важно вспомнить те его слова, которые он говорил по случаю, в качестве примеров во время моих небольших отпусков. Это сразу не давалось. Так как доверительных бесед у меня с отцом на тему войны было немного. Я пытался обострить свою память, читал книги о войне, смотрел фильмы, слушал радио и телепередачи, надеясь, что все это натолкнет меня на мысль и даст волю моей неумемной фантазии. Я приставал к близким людям с расспросами. Моя надоедливость их раздражала. Даже братья и те не желали говорить со мной об отце. Это говорить о прошлом, а оно не было благодатным: нас в детстве окружала послевоенная нищета и разруха. Долго страна восстанавливалась. А еще много средств уходило на защиту страны от грозящих нам «ядерной дубинкой» империалистических стран. Где-то только в семидесятых и восьмидесятых годах мы почувствовали достаток. Экскурсы назад если и случались, то только на красные дни после изрядно опорожненных стаканов с водкой. Она нам развязывала языки. Я помню, приехал на майские праздники, помог матери вместе с братьями посадить картошку. Это у многих из сельчан было традицией. Затем мы встретились на день

победы девятого мая за столом: я, Александр и Федор, распались: принялись с жаром вспоминать об известных нам солдатах, живших в Щурове и прежде всего на нашей улице — Сибировке. В детские годы нам часто попадался на глаза всегда пьяный инвалид-боец — Семен, прозванный Безруким. Наш дядька Марк, — тоже был мужик не промах, — он вытащил из боя раненого офицера, за что получил свою первую награду. Было много и других. Например, контуженый Алексей Подобный. В нем сидел бес, оставшийся с войны. Надравшись, мужик с пеной у рта бился головой о фундамент дома своего тестя. С войны в посад не вернулось более пятисот человек. Одно только Щурово дало стране двух генералов. Нам его жителям было чем гордиться! И мы это понимали.

— Отец, — сказал я, — ушел на войну после освобождения наших земель от оккупации в сорок третьем году. Он, чтобы его призвали, приписал себе год.... — я сделал паузу, рассчитывая, что кто-то из братьев продолжит мой рассказ, но они отчего-то молчали, и я снова открыл рот: — Он был отправлен на пересыльный пункт, возможно, в Брянск — этому городу тогда были отданы наши земли. До этого Щурово относилось к Черниговской губернии, к Гомельской области, и Орловской.

— Я знаю, что Зина не провожала его на фронт. Наверное, она была отправлена вместе с другими девушками на работы в Германию, — дополнил меня Александр: — А может,

и нет, я у Людмилы, ее дочери о том не расспрашивал, — он помолчал, а затем, собираясь с раздумьями продолжил: — Вот Ключиха, — наша соседка в молодости не один год отработала на кухне на старого похотливого бургера. Наверное, оттого и судьба у нее не завидная.

Мы помолчали, а затем Александра неожиданно понесло, он вспомнил о том, что у нее после смерти под матрацем нашли немецкие марки, — их ФРГ выплачивала всем, кто был угнан фашистами на работы, — затем брат сообщил о нашей тетке Ире. От отправки в Германию, ее спас брат Трофим. Однако это ему дорогого стоило. Я тут же вспомнил учительницу немецкого языка Торлину. Она так никогда и не вышла замуж. «Там, там, я выучила язык и, благодаря этому мы с подружкой остались в живых» — это были ее слова. Я думаю, она многим из учеников рассказывала случай отступления фашистов. Забежавшие в дом солдаты чтобы пожить-ся нашли наших девок в подвале, задав им несколько вопросов, и получив на них исчерпывающие ответы, на отличном немецком языке, быстро покинули дом. — «Я им сказала, что нас оставили хозяева оберегать господское имущество, — объясняла нам «русская немка», — в ответ те прокричали: — Гут-гут — что значит хорошо и торопливо ушли дальше на Запад».

— Да и вот еще что? — отец говорил, — вспомнил Федор: — «Побывавшие в рабстве в Германии молоденькие девушки, хотя они были и не виноваты, у парней авторитетом не

пользовались....

— Понятное дело, — сказал Александр: — Им было по сколько? Лет по четырнадцать-пятнадцать. Одни молодые козлы с нашими девками на фронте забавлялись, а старые — у себя дома насильничали. Наш народ, эти сволочи никогда не жалели. Это мы одни их, после войны, недоедая, всех кормили хлебом Пусть он им встанет колом!

— А еще после войны неохотно брали замуж и, так называемых, полковых жен, прошедших фронт, — дополнил Федор.

Мы замолчали и принялись закусывать, затем после небольшой паузы Александр продолжил:

— Наш родитель закончил семь классов, — ему это в будущем очень помогло, он, перед тем как попасть на передовую, был замечен и отправлен на обучение в полковую школу. — Значит, что же получается, — подключился я, — наши земли освободили осенью сорок третьего года, затем отец месяц-другой учился на минометчика и уж только после попал на войну, как я знаю, он на фронте, был наводчиком, а затем даже командиром расчета.

— Да, все так, наверное, и было, — сказал Александр и предложил выпить за отца и его друзей. Он не поленился и достал из кармана принесенное им фото. На нем было несколько человек в военной форме. Возможно, рядом стоял и его друг, тот в смерти, которого отец считал себя виноватым.

Затем мы вспомнили о том, что их часть после успешного завершения военных действий, так как они входили в состав Второго Украинского фронта, была отправлена на Украину и расположилась во Львове. Солдат «стариков», хотя этого понятия тогда не существовало, лучше сказать старослужащих, участвовавших с самого начала боевых действий, мобилизовали, призвав новобранцев. Наш отец по ряду причин был оставлен служить. Наверное, оттого что он имел офицерское звание и не подлежал демобилизации, а еще — боевой опыт.

— Да-а-а! — буркнул вдруг себе под нос Александр: — Что-то давно с Украины не приезжала наша старшая сестра Тоня? — Брат отчего-то вспомнил девочку, однажды появившуюся в Щурово со своей матерью.

Тут же, не удержавшись, влез младший брат Федор, ехидно болтанув:

— Наверняка Семена боится!

— Да, — ответил ему Александр, — Только откуда тебе это знать, тебя тогда и в помине еще не было.

Мне было стыдно за то, что я в первый приезд своей старшей сестры загнал ее на большую навозную кучу у сарая. Мы уже давно помирились, и Тоня не раз после того случая бывала в Щурово, одна и вместе с мужем, и даже привозила своих двоих сыновей. Я виделся с ней, разговаривал. Правда, мать ее уже за руку не держала. Наверное, смирилась и претензий, к оставшемуся в прошлом солдату Володе, не имела. Иначе бы и ее дочь Тоня не отважилась однажды вместе с се-

мьей приехать ко мне в гости в Москву, а затем отправиться и к сестре Анне в Кемерово. Тоня была знакома и с нашей двоюродной сестрой Любой, и с ее дочерью из Донецка. Было время, они часто приезжали в Щурово. Мне неизвестно: ездила Тоня к ней в Донецк или же нет? Хотя не раз обещала побывать у нее в гостях.

Федору не следовало приплетать нашу старшую сестру, но разговор о ней помог Александру вспомнить, что он однажды был у нее в гостях и ему запомнился большой старинный парк.

— Он намного больше нашего, гектар десять, а то может и все двадцать, — сказал неуверенно брат, — Правда и город о-го-го какой. Не сравнить с Щурово. — Затем Александр сделал паузу и добавил: — Я, думаю, что отец намерен был остаться на Украине и служить в армии дальше, хотя бы только из-за этого парка, понравился он ему, не иначе.

Я тоже взял слово и сообщил, что наш дед Иван Павлович тоже, прежде чем вернуться на малую родину много лет прожил в Борщевке — это в Белоруссии, народил там со своей первой женой восьмерых детей и возможно жил бы там до конца своих дней, если бы она не умерла от аппендицита. Что можно сказать об этом старообрядческом поселении? Оно славилось своим старинным парком. И этот парк был деду люб.

— Отца во время службы во Львове, — перебил Александра Федор, — я так думаю, кроме парка, задержал еще

и взгляд черных глаз девушки-хохлушки, — он, наверняка ее заметил, патрулируя с нарядом солдат в тени аллеи. Наша тетка Ира, старшая сестра отца, замуж вышла за солдата, и он ей встретился ни где-нибудь, а в старинном парке посада Щурово. Лучшего места для встреч молодых парней и девушек просто не придумаешь.

Девушка, за которой приударял когда-то молодой солдат Володя, — мать нашей старшей сестры была родом не из Львова. Как она там оказалась? Неизвестно. Возможно, приехала подзаработать или же из-за недостатка мужчин у себя в селе решила испытать судьбу. Там, где много молодых парней: это в местах нахождения воинских частей, можно было быстрее выйти замуж. Реально такое? Да! А еще, моя мать говорила, это со слов отца, за гарной-девицей ухаживал какой-то шофер из военных, та отвечала ему взаимностью. Этот шофер мог быть отцу другом? Мог! Однако, солдат Володя оказался бравым и отбил у него гарную-девицу. Жениться на ней он не собирался. Тогда она подговорила друзей отца, его очень сильно напоили и на ней оженили. Где, правда, а где ложь, неизвестно? Да и спросить уже не у кого. У старшей сестры, — она живет на Украине, — о таком не выпытаешь. Для нас границы закрыты. У них в друзьях, — англо-саксы, а мы, — русские — враги. Это я точно знаю иначе не ходили бы они толпами по площадям своих городов и не кричали: «Москаляку на гиляку». Однажды даже сыны Тони, приодевшись в кожаные модные куртки для того, что-

бы подзаработать отправились на майдан в Киев, помитинговать. За это хорошо платили. Но видно что-то там не сладалось. Как говорят в народе: «Не вышли рылом». Их тогда изрядно отколотили, а еще обобрали до нитки. Домой они приехали без верхней одежды. Это парней после спасло от участия в братоубийственной войне при выполнении Россией военной операции на Украине.

Что обидно? В далеких послевоенных годах во время службы на Львовщине не добил бандеровцев наш отец со своими товарищами. Что-то им помешало. А может кто-то.

Последний раз в Щурово сестра приезжала в четырнадцатом году, летом и при расставании на мои слова: «Да что ты все прощаешься. Я приеду с Еленой осенью, на твой день рождения. Мне не терпеться съездить во Львов и побродить по парку», — она лишь утирала платочком, слезившиеся на ветру, глаза и кивала головой. Она уже тогда знала ни мне с Еленой, ни ей больше встретиться не удастся. Звонить по телефону и расспрашивать у сестры подробности жизни отца и ее матери, — это попросту подставлять ее и близких ей людей под удар, распоясавшихся фашистских молодчиков. Так что мне о тех временах остается лишь только догадываться и насколько возможно фантазировать в меру своего жизненного опыта.

Заключать браки солдатам тогда не позволялось. Мне о том говорила мать. На то были веские причины, прежде всего люди, жившие в том округе, могли быть пособниками бан-

дитов, прятавшихся в лесах и не только, находились даже такие, которые днем были «белыми и пушистыми» — спокойно пахали землю, а ночью брали в руки оружие и нападали на солдат и на органы власти. Эти нападения после тщательно-го расследования были чреваты последствиями: за убийство военного грозил расстрел. В случае если солдат погибал, например, на хуторе и найти виновных не удавалось, целые семьи подлежали аресту, их захватывали и отправляли в Сибирь на поселение, им разрешалось взять документы и узелок с едой. Дом и все, стоящие рядом постройки подлежали уничтожению, — они попросту срывались ножом бульдозера, — оставалась ровная площадка.

Однажды в парке произошел серьезный инцидент, — мне о нем рассказал брат Федор, — он был ближе всех нас к отцу, — группа бандеровцев напала на патруль. Погибли сослуживцы отца, территория его была мгновенно оцеплена и проверена, бандиты как сквозь землю провалились, и только тщательное обследование позволило обнаружить в дуплах огромных дубов схроны с оружием и норы в подземелья, где можно было спрятаться и переждать до наступления ночи. Их — эти дупла тогда забросали гранатами.

Что еще сказать: несмотря на тяжелое время, люди влюблялись и даже порой заключали браки. Правда, они не только быстро заключались, но и так же быстро распадались. Холостых солдат и офицеров с гражданскими людьми и не только, расписывали прямо в части на простом листке бумаги. Уж

очень это на первый взгляд все было несерьезно. Хотя в будущем часть таких вот несерьезных браков оказалась крепкими и люди в согласии счастливо прожили всю жизнь. Однако отец жил с этой женщиной столько, сколько длилась его служба. Отчего он не привез ее домой к родителям: вот бы обрадовались. Не привез. Были на то веские причины: он не верил, что родившаяся девочка, это его дочка.

Мне также известно: отец служил семь лет. Служил бы еще, но однажды, воротившись неожиданно домой, увидел жену в постели со своим другом, ничем, не выдав себя, он тут же ретировался. В нем все кипело, он не знал, что делать. Мелькнула мысль: нужно было их тут же расстрелять: в тот момент солдат Володя судорожно сжимал в руке трофейный пистолет Маузер, но применить его против друга отчего-то не посмел. Прошло время, он немного поостыл, стал подумывать, а может, ошибся, — возможно, это был и не друг, а кто-то другой.

Я слышал от друзей один анекдот: мужик вырвался пораньше с работы, прибежал домой, открыл дверь, глянул, в постели двое занимаются любовью, подумал, что это его жена с любовником. Недолго думая, он бросился на кухню, схватил с плиты стоящую на огне сковороду, прибежал и со всей дури огрел ею мужика, лежащего наверху, по голой заднице, затем выскочил из квартиры и бросился вниз по лестнице. Навстречу ему поднимается жена. Ты куда? Там твой брат с женой приехали в гости. Я вот с магазина. Все купила.

Пошли домой.

Так и тут. Могло быть что-то подобное? В постели находилась его жена с другом? Что если он ошибся?

Я ведь отдал Наташу брату Федору не сразу. Долго не верил тому, что произошло. Я, как мог, фантазировал, придумывал себе в голове разные сюжеты, ждал, что девушка придет ко мне, и мы помиримся. Однако мне в отличие от отца было намного легче справиться со своими эмоциями. Наташа не была мне женой. Ушла, ну пусть катится. А еще рядом со мной находилась Людмила, она меня любила. Я читал ей свои стихи и получал от девушки не только восторженные реплики, но и поцелуи. А у отца все было иначе.

Отец был очень зол, не раз рисовал себе способы как он расправиться и с женой, и с другом. Друга можно было подстрелить при патрулировании территории, занимаясь обходом, так называемых опасных участков, где случались нападения на солдат. Одним из них был парк, в тени аллей, которого он любил гулять, и где ему приходилось нести службу. В нем, в темноте легко было получить пулю в лоб. Молодой Володя, возможно, представлял, как он скажет своему товарищу: «я отойду, мне нужно до витру, помочиться», — затем в темноте забежит вперед и пальнет из трофейного Маузера, — он был известен лишь только другу и более никому, — после чего оружие сбросить. Он, возможно бы и претворил этот свой план в жизнь, но стоило ему отойти к огромному дубу, прижаться к нему, как тут же через мину-

ту-другую раздались выстрелы. Друг был смертельно ранен, он погиб у него на руках.

Нельзя думать и рисовать себе в голове планы возмездия, что если они однажды могут исполниться, и тогда жить и мучаться, кричать в исступлении: — «Я, я не хотел... я не хотел...». Хотел! Вот оно — случилось, — забирай!

Бравый солдат Володя, победитель в войне после гибели друга устал, потерял желание жить. Что-то подобное с ним случилось вовремя войны. Он тогда неожиданно отключился, впав в странную летаргию, двое суток мешком валялся на повозке рядом с минометами. Его будили и не могли добудиться. Сейчас положение было другим: тело двигалось, но не хотел работать мозг, отключился. Пули его не брали, хотя он многих солдат своей части не раз подменял при патрулировании за трофейные сигареты, за пайку спирта или же бутылку самогона. Наверное, тогда солдат Володя решил, уйти из армии — демобилизоваться. Родной дом только он мог его спасти. Наслаждаться шикарным старинным парком он уже не мог. Кто-то из служащих штаба, видя его апатию к жизни, не удержался и подсказал: «А ты напейся и покажись на глаза высшего начальства». Он так и сделал. Ему тут же вlepили десять суток ареста, затем быстро разжаловали до рядового и через какое-то время отправили в запас. Демобилизованный торопливо собрал вещи и уехал на родину.

Мог молодой Володя после всего произошедшего оставаться мужем этой женщины, может даже ни в чем и не ви-

новной? Нет, нет и нет! Не оттого ли он, приехав на родину, — домой, постарался, насколько это было возможно, обо всем забыть, или же хотя бы на время вычеркнуть горестное событие — гибель друга, из головы. И у него получилось. На ярмарке, из слов матери она неожиданно попалась ему на глаза. Девушка попыталась спрятаться в парке, не получилось. «Мы начали встречаться. Я, не торопилась. Было желание приглядеться, а уж, затем..., но он настоял. Мне как женщине пришлось смириться».

Мне понятна эта торопливость молодого Володи. Погиб фронтовой друг. Его невозможно было вернуть. Погиб не только из-за него, но косвенно и из-за женщины. Не хотел отец ни дня оставаться зависимым от прошлого, схватив Надежду за руку, торопливо бросился в ЗАГС и тут же зарегистрировал свои отношения, хотя подобно своему брату Марку мог бы жить и без оформления брака. Многие так тогда жили и ничего.

Мой отец не верил бывшей жене и считал ее косвенно виноватой в трагедии, разыгравшейся в парке. Во время приездов в Щурово с Украины этой его самой дочки — уже взрослой женщины он не был с нею близок и всегда сторонился, однако не препятствовал нам детям с нею общаться.

Мне запомнился один момент, Тоня, пыталась найти свое сходство с отцом, долго наблюдала за ним, а затем сообщила: «У нас глаза похожи». Однако, когда она уехала, не знаю, кто из нас детей, не буду придумывать, сказал: «Так уж и

похожи? У нее они темные, а у отца светлые».

За всю свою жизнь отец, видя Тоню, ни разу не заикнулся о том, чтобы побывать во Львове, не испытывал желаний, а может попросту боялся прошлого. Ничего хорошего в нем не было.

Я помню, однажды он уговорил меня отправиться домой не по Школьной улице, а через Стрижеевку. Это было вызвано не только тем, что мы тогда купили в большом магазине огромный арбуз. Он еле влез в сетку — были такие для того, чтобы носить в них продукты. У родителя неожиданно появилось желание успокоить разгоряченное тело прохладой, а еще окунуться в прошлое. Он повесил на руль велосипеда сетку с арбузом. Ехать с таким грузом на нем было невозможно. Мы шли неторопливо в тени больших, что баобабы деревьев и разговаривали. Отец катил велосипед и рассказывал о нашем замечательном парке. Мои мысли тогда были примерно такие: ну, что парк? Он ничем не лучше других парков. Ан, нет, из слов отца я понял, что наш парк особенный, таких парков нигде нет.

«Я многие повидал и, что тебе скажу, — сказал мне тогда отец, — не зря вернулся домой. Здесь намного легче дышится. А я, ты знаешь, с войны мучаюсь: у меня слабые бронхи, чуть застыл и захлебываюсь в кашле, а тут недавно врачи диагностировали мне, еще и другую заразу — астму».

Эти слова отца я запомнил. Они и по сей день часто звучат у меня в ушах и мне без них никуда не деться. Они у

меня — до конца. Ну, например, как после ДТП — однажды я торопился из Москвы в Щурово и попал в передрагу, — оставшийся в ушах шум.

Глава 5

Прошли годы. Дети наши выросли. Дочь, выйдя замуж, родила нам внука Тему и внучку Олесю, сын с женой подарили еще одного внука — Ванечку. Я, вышел на пенсию и чаще, чем раньше бывал в родительском доме в Щурово, приглядывал за матерью. Ей было далеко за восемьдесят.

Однажды родительница не выдержала и при очередном моем отъезде в Москву с сожалением сказала: «Вот жил бы ты со мной, мне было бы хорошо». Я с ней согласился, однако выполнить ее просьбу не мог: моя супруга Елена продолжала работать. Ей до ухода на заслуженный отдых оставалось лет пять. Все бы ничего. Но тут неожиданно учителям добавили зарплату — давно бы так, — и я понял, она сразу работу не бросит, у Елены обязательно найдутся какие-нибудь отговорки, чтобы продолжит «тянуть лямку» и более длительное время. При этом, в отличие от библиотечного дела, работа учителя ей пришлась по душе, иначе, не говорила бы мне: «Ах, как я оставлю свой класс. Я, классный руководитель и должна, во что бы то ни стало, выпустить детей из школы. А вот после... , после, видно будет ...».

Елена была вся в свою мать — трудоголиком. Теща, можно сказать, умерла на работе. Не дай Бог повторения.

Я, в Щурово приезжал рано весной, затем после окончания учебного года приезжала супруга, порой не одна, при-

хватив с собой внука или же внучку. Не забывали о нас дочь и сын. Словом, время от времени было шумно и весело. Жена, отгуляв отпуск, отправлялась домой, — в Москву, ей нужно было на работу, а я на месяц-другой задерживался: необходимо было подготовить огород к зиме. Работы на земле хватало. Унывать не приходилось, а еще, я по вечерам садился за компьютер и писал, порой, не удержавшись, отдельные свои тексты зачитывал родительнице. Она была первой моей слушательницей и даже критиком. Мне не раз приходилось под ее давлением исправлять написанное, о чем я ни разу не пожалел. Родительница знала толк в жизни, и многим мне могла помочь.

Однажды — было это осенью, к нам в окно постучали: мать открыла калитку и впустила во двор двух немолодых женщин. Я без интереса, мельком взглянул на них, хотел было уйти на огород, продолжить его уборку: — но родительница тут же меня остановила:

– Сеня, не торопись, одна из них пришла по твою душу, так что — принимай. Мы, мешать вам не будем и она, подхватив другую женщину, явно ей знакомую, повела под навес, в беседку.

Я, долго смотрел на гостью. Она не выдержала и крутнулась, показав себя со всех сторон.

– Ну и что ты смотришь? Неужели не признаешь меня? Я, твоя бывшая невеста. Ох, как мы с тобою, бывало, проводили вечера, прохаживаясь в тени аллея парка, под ручку,

— немного помолчала, затем продолжила: — Да-а-а, сейчас парк уже не тот. Я вот нашла время прошлась с подружкой, взглянула: никому до него нет дела — запустение. Молодежь уже не желает в нем гулять. Незачем. Она и так спокойно живет друг с дружкой, не помышляя о штампе в паспорте. Ну, как твой дядя Марк с Матреной, да и не только они, например, моя мать с отцом расписались лишь после моего рождения.

— Ты, ты Наташа! — неуверенно сказал я и посмотрел на женщину, угадывая еле заметные черты былого сходства.

— Да, я Наташа! Я жила на Деменке, затем работала на Урале, вернувшись в Щурово, похоронила родителей и после Чернобыльской катастрофы по программе отселения переехала в чистую зону — недалеко от Брянска и знаешь довольна. У меня хороший большой дом, есть участок в шесть соток. На нем я сажаю огурцы и не только. Что скажу? Огурцы ничем не хуже, чем в Щурово хотя я их молоком не поливаю — дорого это, да и не к чему. Они и так растут.

Я провел женщину в дом, посадил на диван, и хотел было заняться приготовлением кофе, но Наташа меня остановила:

— Я ненадолго, давай поговорим, вспомним наши прошлые годы. Тогда ведь хорошо было! Мы были молоды и полны сил.

— А эта — женщина, твоя подруга случайно не Людмила? Я не присматривался, могу и ошибиться, — спросил я.

— Да нет! Людмила года два назад умерла от рака. А это

та девушка, которую ты однажды вместо меня проводил по ошибке. Она живет здесь, в Щурово недалеко от лесничества.

От Наташи я узнал, что замуж она не вышла, отправившись работать после техникума по распределению, нагуляла дочь и в девяностые годы вернулась домой в Щурово к отцу и матери.

Затем, назло мне она попыталась пристроиться в Москве, для чего разыскала попутчицу, с которой ехала ко мне в поезде и помогла той дотащить до дома вещи. Женщина не осталась безучастной поводила ее по заводам. Но Наташу на работу так нигде и не взяли.

— Мне бы дура потерять паспорт и взять другой чистый — о том я узнала очень поздно: добрые люди подсказали. А вот сама не догадалась. Запись в графе дети закрыла мне доступ в столицу. А то жила бы где-нибудь недалеко у тебя под боком. Да видно не судьба. Вот так! — выждав небольшую паузу, женщина взглянула на меня и продолжила: — Это сейчас можно свободно приезжать, уезжать....

— Да! Да! Сейчас Москва у нас стала резиновой, — ответил я: — Едут все, кому не попадя, особенно много работников из бывших республик. Даже анекдот придумали: «Один узбек звонит домой, и жалуется родителям, что район ему достался плохой — многовато русских. Вот мой товарищ тот вообще прекрасно устроился, куда не пойдешь повсюду свои люди!».

Наташа засмеялась и принялась выпрашивать о моей жизни. Я рассказывал ей о жене, о детях, внуках и всматривался в лицо. Она тоже нет-нет и бросала на меня взгляды. Нам было что вспомнить.

— Я вот все хочу у тебя спросить: ради этого и пришла, уговорила свою подругу. Одной как-то неудобно было. Ты ведь тогда, в далекие восьмидесятые годы, был готов на мне жениться, — нам помешал твой отец, так? — помолчала, затем, бросив взгляд снова продолжила: — Или еще кто-то? — женщина в ожидании ответа, вдруг заерзала на диване.

— Да нет! Хотя если бы он был жив, мы могли с тобой подойти к нему и обо всем спросить, но он уже дано умер. Однако, что я скажу: отец был двумя руками за нашу с тобой свадьбу. Правда, это было до того, когда ты вдруг пошла с моим братом Федором. А вот после он был согласен одобрить брак с тобой только Федора и никого более. Но ты же его не смогла уломать и повести, как говорят, «под венец». Я не знаю, что у вас тогда в Гомеле произошло. Из-за чего он тебя неожиданно оттолкнул. Думаю, ты сама в том виновата!

Женщина, поправила прическу, хитро взглянув на меня вдруг сказала: — Ну да, сама. А ты и твой брат Федор по-матросили со мной и бросили, а я ведь судьбой предназначалась тебе и никому более! Я в том просто уверена. Не раз размышляла. Все о том говорит, все! — и женщина замолчала. Я тоже сидел и не предпринимал ни каких действий, затем не выдержал:

– Может, я все-таки сделаю кофе? — Наташа никак не отреагировала, и я тут же подхватился, перед тем как рвануть на кухню, чтобы занять ее досуг, забрался в шкаф и снял с полки одну из своих первых книг:

– На, полистай! Я быстро! Пять минут, не больше.

Долго, я не возился: достал из сушилки чашки, поставил их на поднос, затем ложечкой рассыпал по ним из пакета растворимый напиток, после чего залил из термоса горячей водой и появился в комнате. Наташа, увидев меня, — она ли- стала мою книгу, — не удержалась и задала вопрос:

– А ты свое детское увлечение так и не забросил? Правда, тогда ты стихи писал, даже песни, брэнчал на гитаре, а сейчас, что, перешел на прозу? Наверное, это было чем-то вызвано?

– Да! Моими детьми. Дочь, а после и сын очень любили по вечерам, глядя на ночь, перед сном слушать мои истории. Я увлекся сочинительством и представь, до сих пор занимаюсь, пишу не только для детей, но и для взрослых. Эта книга, ты, наверное, заметила, посвящена моей матери.

Я поставил поднос на журнальный столик у дивана и по- дал женщине чашку, затем взял и свой кофе:

– Здесь в книге о тебе ничего нет! Но там много событий того времени, когда мы были молоды и нам хотелось любить. Хотя любить можно в любом возрасте, всегда, и никогда не поздно.

– Да это ты хорошо сказал. «Никогда не поздно».

Глотая неторопливо кофе из чашек, мы продолжили наш прерванный разговор. Я, помня ее последние слова о том, что судьбой был предназначен ей, попытался Наташу разубедить:

— Знаешь, я доволен своей жизнью. У меня все отлично с Еленой. Мы даже внешне между собой чем-то похожи друг на дружку. Я и Елена что те два кусочка черного хлеба. А вот ты — ты, пшеничная булочка. О нашей схожести нам часто говорили совершенно чужие люди. Мне жаловаться на судьбу грех. А вот то, что отец мешал мне жениться на тебе, я думаю неслучайно. За спиной у отца была жизнь, и оттого он знал, у нас с тобой ничего не получится. У него была зазноба соседка — Зина, — продолжил я, — затем гражданская жена, с которой он на чужбине прижил дочку, однако, приехав в Щурово, мой отец на Зине не женился, в этом был какой-то смысл. Я думаю, что он прекрасно бы с нею жил, но это, если бы не было войны. Я бы тоже с тобой жил и думаю прекрасно, но случилось то, что случилось. Значит, ты предназначалась другому парню. Ты его просто не увидела, так как вначале увлеклась мной, затем побежала за Федором. А этот твой парень постоял-постоял возле тебя в сторонке и ушел. Вот так!

— Нет, все не так! — женщина нервно поерзала на диване: — Не знаю, помнишь ли ты, что я, перед тем как нам расстаться, рвалась поговорить с тобой с глазу на глаз? Это неслучайно! — она помолчала, а затем продолжила: — Нам

не позволила Елена. Я бы сказала, помешала! — Наташа опустила глаза, а затем подняла их: — Вот ты вместе с братьями помогал отцу пасти коров. Вы их пригоняли на дойку, располагались в Щуровом логе близ Деменки — моей улицы, в жаркий день ты огородами бежал в проулок к колодцу за холодной водой. Порой ты был не один, то с Александром, а то и с Федором. Ты подбегал к ближайшему дому и стучал в калитку, так? — Наташа, не отрываясь, уставилась на меня.

— Ну, так! — нехотя ответил я, торопливо пытаюсь забраться в анналы своей памяти.

— Думаешь, кто тебе выносил ведро, а-а-а? Я! — и Наташа в упор посмотрела на меня: — Я тебя заприметила еще в далеком детстве. Ты цеплял ведро на цепь и опускал на самое дно колодца, и полное доставал из черноты на свет. О-о-о, с какой ты жаждой глотал холодную воду, затем наливал ее в бутылки и в отцовскую армейскую флягу и, рассовав все по карманам, торопился в луга. Ты, ты, наверное, о том уже давно позабыл. А я, как это не печально — все еще помню!

— Да это не ты была, не ты! — не выдержав, вдруг закричал я и подхватился с дивана, затем заставив себя успокоиться, сел на место. Я ведь каждый раз, когда провожал Наташу домой пытался найти этот колодец, из которого брал воду и тот дом, откуда девочка еще соплячка выносила мне жестяное ведро. Мне было приятно брать его из ее рук. Но, я на Деменке всегда оказывался, в темное время суток, когда провожал девушку. Необходимости в дневном посеще-

нии этой улицы не было. Оттого согласиться с ее утверждением не мог. Попасть впросак я тоже не хотел и тут же попытался выкрутиться:

– Если бы это была ты, то уже давно не выдержала и проболталась. Зачем тебе было это скрывать от меня? Тянуть до последнего. Так? И еще один вопрос: Федор, когда я пил воду, что делал в этот момент?

– Что-что? Он бегал за мной вокруг колодца, смеялся, задира л подол платья и кричал: «Да она же еще малявка по улице бегаёт без трусов, а смотрит на тебя, ну что та невеста».

– Да, ты права, так оно все и было, — я задумался, а Наташа, не давая мне опомниться, тут же продолжила:

– Знай, я тогда не могла проболтаться? Ты для меня был уже взрослый парень, а я кто? А еще если бы я тебе о том сказала, разве ты пошел бы меня провожать? Ты бы подобно Федору сразу же от меня открестился. Что не так? — женщина резко подняла глаза: — Так! Я, была вынуждена скрывать от тебя свой возраст и скрывала. Ты смотрел на мои формы и сейчас, я нет-нет и замечаю твой взгляд... Ты же не слепой видишь, что я хороша!

– Все! Все! Все! Я в ужасе! Ты испортила такой сюжет нашей любви. Мне в пору по нему писать книгу. Что может и сделаю. Я тебе это говорю, как писатель! От твоего признания мне просто не по себе! Допивай свой кофе и оставь меня в покое! Я не хочу тебя больше видеть.

Наташа нехотя поднялась с дивана. Я тут же ее выпроводил за порог, вышел вслед за нею во двор и указал на калитку. К женщине подошла подруга:

– Ну, что, наговорились? — спросила она с улыбкой и, почувствовав ее настроение, умолкла.

– Наговорились, — глядя в землю ответила моя бывшая невеста.

Я шел за нею следом, чтобы открыть и закрыть калитку. На выходе Наташа вдруг неожиданно остановилась, будто что-то хотела мне сказать, и я тут же налетел на нее, от соприкосновения — весь задрожал.

Женщина ушла, а я еще долго не находил себе места: нервно ходил и ходил по двору.

Наташу я больше не видел. Однако наш разговор тогда запал мне в душу, и я ухватился за возникший в голове новый сюжет. Я мог написать эту историю и не только о себе и о Наташе, но и об отце. Без него книги просто не могло быть. А еще об Александре, Федоре, Анне, Тоне и нашей о двоюродной сестре Любе. Мне не удалось с нею связаться, может Тоня, что знает.

Чтобы собрать информацию и выбрать героев, отсеяв второстепенных, мне потребовался не один год. Один из последних вариантов книги я получил только тогда, когда похоронил мать. У меня не было возможности обсудить книгу с ней, а мне бы так стоились бы ее замечания. Обстановка в стране изменилась: была в разгаре военная операция Рос-

сийских войск по спасению жителей Донбасса на Украине. Бандеровцам нужна была кровь. Целых восемь лет никто ни в Европе, ни в США не замечал непрекращающихся обстрелов вырожденками-украинами, так называемой самостийной Украины — Донецкой и Луганской республик. Одни мы русские за них болели и не понимали, как это можно за какие-то грязные кровавые бумажки — американские доллары идти и убивать близких себе людей. Отчего англичане не убивают американцев или же наоборот. Оттого, что они цивилизованные люди, а мы варвары. Докатились. Пора уже и опомниться. Я мучился от неизвестности. Была бы жива тетка Ира, давно бы примчалась в Щурово и привезла все свое семейство. Но она умерла после распада страны, незадолго до ухода отца. Моя двоюродная сестра такой силой и напористостью как ее мать не обладала. Она просто так приехать не могла, ей нужно было особое приглашение. Последний раз я виделся с ней и ее мужем мельком и то благодаря тому, что ее супруг, отучившись в столице, — Москве на заочном отделении института и приехал за дипломом. Наше свидание произошло поздно вечером: они лишь заглянули и тут же откланялись. Им нужно было торопиться на поезд. Мы толком даже поговорить не смогли. До четырнадцатого года наше общение происходило лишь через Интернет, правда, очень редко. Это можно было списать на незнание родственницей компьютера или же на несовершенство техники, а еще возможно на блокирование Украиной трафика. О судьбе сестры Тони я

не заморачивался: она время от времени поздравляла меня с торжественными датами и праздниками. Плохо ей было, хорошо, неизвестно, но она была жива. Я не мог ей напрямую задать вопрос: съездила ли она, как и обещала на Донбасс. Разыскала нашу двоюродную сестру Любу. Адрес у нее был, я самолично записал ей в ее блокнот.

Моя книга была написана. Получилась она такой, какой получилась. Я бы, конечно, хотел узнать отзыв на нее Наташи, возможно и узнаю, но не это главное. Мне бы поговорить с сестрой Тоней об отце, возможно, я бы что-то в этой истории изменил. Уже в самый последний момент, перед тем как книгу загрузить в Интернет, я отважился и позвонил ей, ни на что не надеясь. Телефон долго никто не брал, затем я долго-долго алекал пока меня не опознали, после чего услышал, будто из погреба, тихий голос племянника: — Дядя Сеня, а мамы дома нет. Она, одела рубище, на грудь повесила икону Николая-чудотворца и отправилась в город Донецк, — мама у всех вас побывала, а вот у двоюродной сестры Любы нет... — он помолчал, а затем продолжил: — А еще мы очень-очень виноваты за своих ненормальных укров и нам у людей Донбасса нужно слезно просить прощения.... — Я не удержался и сказал: — Бог простит! А пройдет время, простят и люди, но не сразу....

Москва. Чуровичи. 2022г.